

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

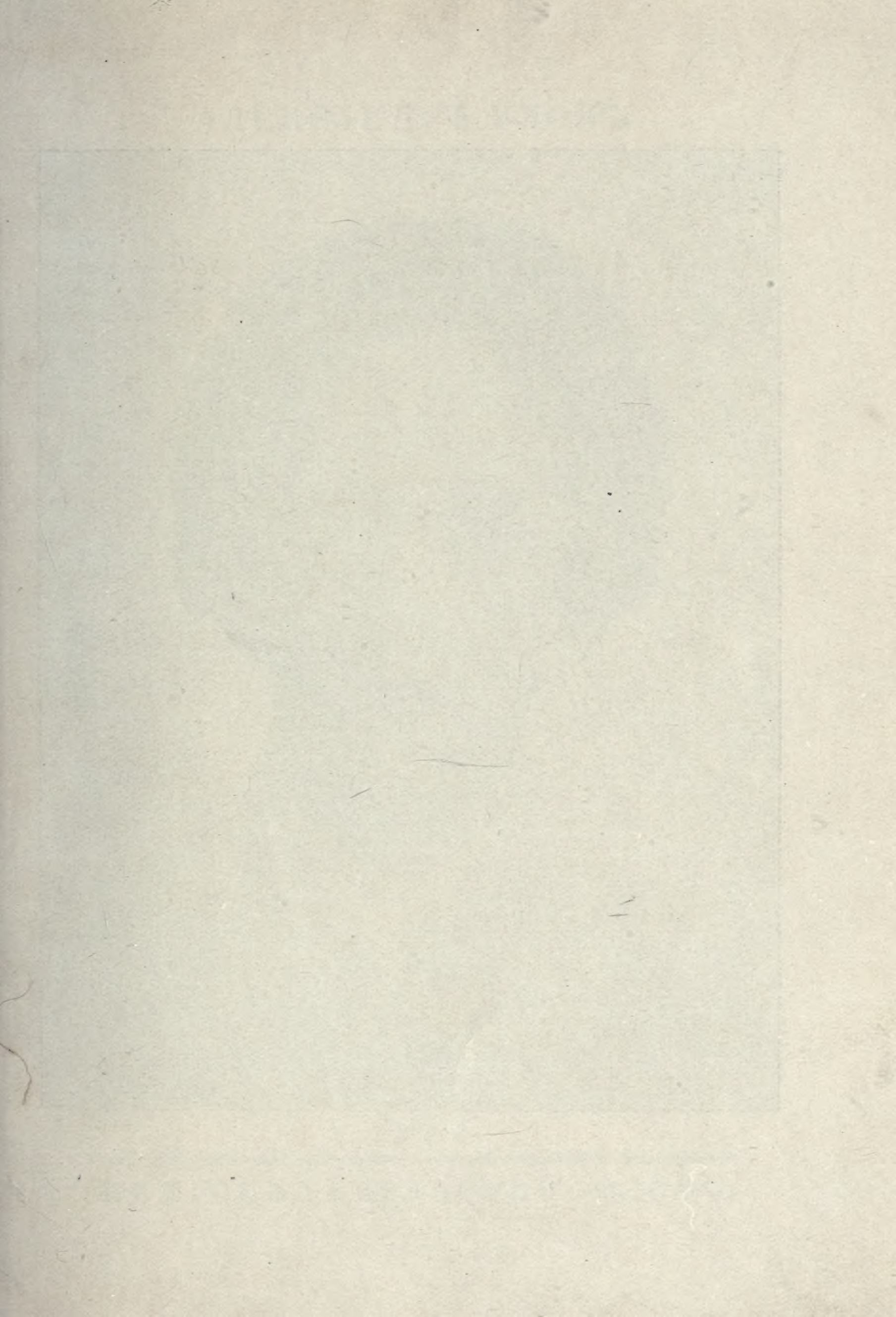
СТИХОТВОРЕНІЯ

И. Глодченко

24 фев. 1925

г. Чикаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1898—1904)

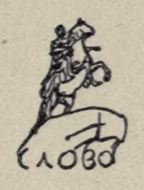
*

ANTE LUCEM

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

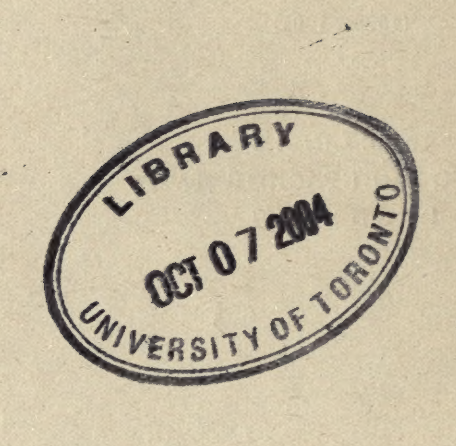
РАСПУТЬЯ

*

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

LIBRARY
OCT 07 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

ANTE LUCEM

(1898—1900)

Пусть свѣтитъ мѣсяцъ — ночь темна.
Пусть жизнь приноситъ людямъ счастье —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья.
Ночь распростерлась надо мной
И отвѣчаетъ мертвымъ взглядомъ
На тусклый взоръ души больной,
Облитой острымъ, сладкимъ ядомъ.
И тщетно, страсти затая,
Въ холодной мглѣ передразсвѣтной
Среди толпы блуждаю я
Съ одной лишь думою завѣтной:
Пусть свѣтитъ мѣсяцъ — ночь темна.
Пусть жизнь приноситъ людямъ счастье —
Въ моей душѣ любви весна
Не смѣнитъ бурнаго ненастья.

Январь 1898. С.-Петербургъ

*

Полный мѣсяцъ всталъ надъ лугомъ
Неизмѣннымъ дивнымъ кругомъ,
    Свѣтитъ и молчитъ.
Блѣдный, блѣдный лугъ цвѣтущій,
Мракъ ночной по немъ ползущій
    Отдыхаетъ, спитъ.
Жутко выйти на дорогу,
Непонятная тревога
    Подъ луной царитъ.
Хоть и знаешь: утромъ рано
Солнце выйдетъ изъ тумана,
    Поле озаритъ,
И тогда пройдешь тропинкой,
Гдѣ подъ каждою былинкой
    Жизнь кипитъ.

с. Шахматово

*

Тамъ одинъ и былъ цвѣтокъ,
Ароматный, несравненный . . .

Жуковскій

Я стремлюсь къ роскошной волѣ,
Мчусь къ прекрасной сторонѣ,
Гдѣ въ широкомъ чистомъ полѣ
Хорошо, какъ въ чудномъ снѣ.
Тамъ цвѣтутъ и клеверъ пышный,
И невинный василекъ,
Вѣчно шелестъ легкій слышно:
Колосъ клонитъ . . . Путь далекъ!
Есть одно лишь въ океанѣ,
Клонитъ лишь одно траву . . .
Ты не видишь тамъ, въ туманѣ,
Я увидѣлъ — и сорву!

*

Усталый отъ дневныхъ блужданій
Уйду порой отъ суеты
Воспомнить язвы тѣхъ страданій,
Встревожить прежнія мечты . . .
Когда бъ я могъ дохнуть ей въ душу
Весеннимъ счастьемъ въ зимній день!
О, нѣтъ, зачѣмъ, зачѣмъ разрушу
Ея младенческую лѣнь?
Довольно мнѣ нестись душою
Къ ея небеснымъ высотамъ,
Гдѣ счастье брезжитъ намъ порою,
Но предназначено — не намъ.

*

Есть въ дикой рощѣ, у оврага
Зеленый холмъ. Тамъ вѣчно тѣнь.
Вокругъ — ручья живая влага
Журчаньемъ нагоняетъ лѣнь.
Цвѣты и травы покрываютъ
Зеленый холмъ, и никогда
Сюда лучи не проникаютъ,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станутъ
Заглядывать въ прохладный мракъ.
Сказать, зачѣмъ цвѣты не вянутъ,
Зачѣмъ источникъ не изсякъ? —
Тамъ, тамъ, глубоко, подъ корнями
Лежатъ страданія мои,
Питая вѣчными слезами,
Офелія, цвѣты твои!

*

Мнѣ снилось, что ты умерла.
Гейне

Мнѣ снилась смерть любимаго созданья:
Высоко, весь въ цвѣтахъ, угрюмый гробъ стоялъ,
Толпа тѣснилась вкругъ, и рѣчи состраданья
Мнѣ каждый такъ участливо шепталъ.
А я смотрѣлъ кругомъ безъ думы, безъ участья,
Встрѣчая свысока желавшихъ мнѣ помочь;
Я чувствовалъ вверху незыблемое счастье,
Вокругъ себя — безжалостную — ночь.
Я всѣхъ благодарилъ за слово утѣшенья
И руки жалъ, и пѣла мысль въ крови:
— Блаженный, вѣчный духъ унесъ твое мученье!
— Блаженъ утратившій созданіе любви!

10 ноября 1898

★

А. М. С.

Луна проснулась. Городъ шумный
Гремитъ вдали и льетъ огни,
Здѣсь все такъ тихо, тамъ безумно,
Тамъ все звенитъ, — а мы одни . . .
Но если бъ пламень этой встрѣчи
Былъ пламень вѣчный и святой,
Не такъ лились бы наши рѣчи,
Не такъ звучалъ бы голосъ твой! . . .
Ужель живутъ еще страданья,
И счастье можетъ унести?
Въ часъ равнодушнаго свиданья
Мы вспомнимъ грустное прости[1] . . .

*

[1] Стихи Полонскаго.

Мнѣ снилась снова ты, въ цвѣтахъ, на шумной
сценѣ,
Безумная, какъ страсть, спокойная, какъ сонъ,
А я, повергнутый, склонялъ свои колѣни
И думалъ: «Счастье тамъ, я снова покоренъ!»
Но ты, Офелія, смотрѣла на Гамлета
Безъ счастья, безъ любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бѣднаго поэта
И съ розами лились, лились его мечты . . .
Ты умерла, вся въ розовомъ сіяньи,
Съ цвѣтами на груди, съ цвѣтами на кудряхъ,
А я стоялъ въ твоемъ благоуханьи,
Съ цвѣтами на груди, на головѣ, въ рукахъ . . .

*

Окрай небесъ — звѣзда омега
Пылаетъ Сиріусъ цвѣтной.
Надъ головой — нѣмая Вега
Изъ царства сумрака и снѣга
Оледенѣла надъ землей.

И ты, холодная богиня,
Надъ вѣчно пламенной душой
Царишь и властвуешь понынѣ,
Какъ та холодная святыня
Надъ вѣчно пламенной звѣздой.

*

Милый другъ! Ты юною душою
Такъ чиста!
Спи пока. Душа моя съ тобою,
Красота!
Ты проснешься, будетъ ночь и вьюга
Холодна.
Ты тогда съ душой надежной друга
Не одна.
Пусть вокругъ зима и вѣтеръ воетъ, —
Я съ тобой!
Другъ тебя отъ зимнихъ бурь укроетъ
Всей душой!

*

ПѢСНЯ ОФЕЛІИ

Разлучаясь съ дѣвой милой,
Другъ, ты клялся мнѣ любить! . .
Уѣзжая въ край постылый,
Клятву данную хранить! . .
Тамъ, за Даніей счастливой,
Берега твои во мглѣ . . .
Валъ сердитый, говорливый
Моетъ слезы на скалѣ . . .
Милый воинъ не вернется,
Весь одѣтый въ серебро . . .
Въ гробѣ тяжко всколыхнется,
Бантъ и черное перо . . .

*

ГАМАЮНЪ, ПТИЦА ВѢЩАЯ

(Картина В. Васнецова)

На гладяхъ безконечныхъ водъ,
Закатомъ въ пурпуръ облеченныхъ,
Она вѣщаетъ и поетъ,
Не въ силахъ крылъ поднять смятенныхъ . . .
Вѣщаетъ иго злыхъ татаръ,
Вѣщаетъ казней рядъ кровавыхъ,
И трусъ, и голодъ, и пожаръ,
Злодѣевъ силу, гибель правыхъ . . .
Предвѣчнымъ ужасомъ объятъ,
Прекрасный ликъ горитъ любовью,
Но вѣщей правдою звучатъ
Уста, запекшіяся кровью! . .

*

Къ добру и злу постыдно равнодушны
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы.
Лермонтовъ

Когда толпа вокругъ кумирамъ рукоплещетъ,
Свергаетъ одного, другого создаетъ,
И для меня, слѣпого, гдѣ-то блещетъ
Святой огонь и младости восходъ!
Къ нему стремлюсь болѣзненной душою,
Стремлюсь и рвусь, насколько хватитъ силъ . . .
Но, видно, я тяжелою тоскою
Корабль надежды потопилъ!
Затянутъ въ бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный сѣрый нелюдимъ . . .
Толпа кричитъ — я хладенъ безконечно,
Толпа зоветъ — я нѣмъ и недвижимъ.

*

Я шелъ къ блаженству. Путь блестѣлъ
Росы вечерней краснымъ свѣтомъ,
А въ сердцѣ, замирая, пѣлъ
Далекій голосъ пѣснь разсвѣта.
Разсвѣта пѣснь, когда заря
Стремилась гаснуть, звѣзды рдѣли,
И неба вышнія моря
Вечернимъ пурпуромъ горѣли!
Душа горѣла, голосъ пѣлъ,
Въ вечерній часъ звуча разсвѣтомъ.
Я шелъ къ блаженству. Путь блестѣлъ
Росы вечерней краснымъ свѣтомъ.

*

Сама судьба мнѣ завѣщала
Съ благоговѣніемъ святымъ
Свѣтить въ преддверьи Идеала
Туманнымъ факеломъ моимъ.
И только вечеръ — до Благого
Стремлюсь моимъ земнымъ умомъ,
И полный страха неземного
Горю Поэзіи огнемъ.

*

Я старъ душой. Какой-то жребій черный —
Мой долгій путь.
Тяжелый сонъ, проклятый и упорный,
Мнѣ душитъ грудь.
Такъ мало лѣтъ, такъ много думъ ужасныхъ!
Тяжелъ недугъ . . .
Спаси меня отъ призраковъ неясныхъ,
Безвѣстный другъ!
Мнѣ другъ одинъ — въ сыромъ ночномъ туманѣ
Дорога вдаль.
Тамъ нѣтъ жилья — какъ въ темномъ океанѣ —
Одна печаль.
Я старъ душой. Какой-то жребій черный —
Мой долгій путь.
Тяжелый сонъ — проклятый и упорный —
Мнѣ душитъ грудь.

*

Дышетъ утро въ окошко твое,
Вдохновенное сердце мое,
И на розовомъ облакѣ грезъ
Въ вышинѣ чью-то душу пронесъ
Молодой, народившійся Богъ . . .
Покидай же тлетворный чертогъ,
Улетай въ безконечную высь,
За крылатымъ видѣньемъ гонись,
Утро знаетъ стремленье твое,
Вдохновенное сердце мое!

*

К. М. С.

Помнишь ли городъ тревожный,
Синюю дымку вдали?
Этой дорогою ложной
Молча съ тобою мы шли . . .
Шли мы — луна поднималась
Выше изъ темныхъ оградъ,
Ложной дорога казалась —
Я не вернулся назадъ.
Наша любовь обманулась,
Или стезя увлекла —
Только во мнѣ шевельнулась
Синяя города мгла . . .

*

Городъ спитъ, окутанъ мглою,
Чуть мерцаютъ фонари . . .
Тамъ далеко за Невою,
Вижу отблески зари.
Въ этомъ дальнемъ отраженьи,
Въ этихъ отблескахъ огня
Притаилось пробужденье
Дней тоскливыхъ для меня . . .

*

НЕВѢДОМОМУ БОГУ

Не ты ли душу оживишь?
Не ты ли ей откроешь тайны?
Не ты ли пѣсни окрылишь,
Что такъ безумны, такъ случайны . . .

О, вѣрь! Я жизнь тебѣ отдамъ,
Когда безсчастному поэту
Откроешь двери въ новый храмъ,
Укажешь путь изъ мрака къ свѣту!

Не ты ли въ дальнюю страну,
Въ страну невѣдомую нынѣ,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: — Богъ! Конецъ пустынѣ!

*

SERVUS — REGINAE

Не призывай. И безъ призыва
    Приду во храмъ.
Склонюсь главою молчаливо
    Къ твоимъ ногамъ.

И буду слушать приказанья
    И робко ждать.
Ловить мгновенныя свиданья
    И вновь желать.

Твоихъ страстей поверженъ силой,
    Подъ игомъ слабъ.
Порой — слуга; порою — милый;
    И вѣчно — рабъ.

*

МОЕЙ МАТЕРИ

Спустилась мгла, туманами чревата.
Ночь зимняя тускла и сердцу не чужда.
Объемлетъ сирый духъ безсиліе труда,
Тоскующій покой, какая-то утрата.

Какъ услѣдишь ты, чѣмъ душа больна,
И, милый другъ, чѣмъ уврачуешь раны?
Ни ты, ни я сквозь зимніе туманы
Не можемъ зрѣть, зачѣмъ тоска сильна.

И нашимъ ли умамъ повѣрить, что когда-то
За чей-то грѣхъ на насъ наложенъ гнетъ?
И самъ покой тосклив, и насъ къ землѣ гнететъ
Безсильный трудъ, безвѣстная утрата?

*

DOLOR ANTE LUCEM

Каждый вечеръ, лишь только погаснетъ заря,
Я прощаюсь, желаніемъ смерти горя,
И опять, на разсвѣтѣ холоднаго дня,
Жизнь охватитъ меня и измучитъ меня!

Я прощаюсь и съ добрымъ, прощаюсь и съ злымъ,
И надежда и ужасъ разлуки съ земнымъ,
А на утро встрѣчаюсь съ землею опять,
Чтобы зло проклинать, о добрѣ тосковать! . .

Боже, Боже, исполненный власти и силъ,
Неужели же всѣмъ Ты такъ жить положилъ,
Чтобы смертный, исполненный утреннихъ грезъ,
О Тебѣ тискованье безъ отдыха несъ? . . .

*

Медлительной чредой нисходитъ день осенній,
Медлительно крутится желтый листъ,
И день прозрачно свѣжъ, и воздухъ дивно чистъ —
Душа не избѣжитъ невидимаго тлѣнья.

Такъ, каждый день старѣется она,
И каждый годъ, какъ желтый листъ кружится,
Все кажется, и помнится, и мнится,
Что осень прошлыхъ лѣтъ была не такъ грустна.

*

Яркимъ солнцемъ, синей далью
Въ лѣтній полдень любоваться —
Непонятною печалью
Дали солнечной терзаться . . .

Кто пойметъ, измѣритъ окомъ,
Что за этой синей далью?
Лишь мечтанье о далекомъ
Съ непонятною печалью . . .

*

Я шелъ во тьмѣ дождливой ночи
И въ старомъ домѣ, у окна,
Узналъ задумчивыя очи
Моей тоски. — Въ слезахъ, одна
Она смотрѣла въ даль сырую . . .
Я любовался безъ конца,
Какъ будто молодость былую
Узналъ въ чертахъ ея лица.
Она взглянула. Сердце сжалось,
Огонь погасъ — и разсвѣло.
Сырое утро застучалось
Въ ея забытое стекло.

*

Сегодня въ ночь одной тропою
Тѣнями грустными прошли
Опредѣленные судьбою
Для разныхъ полюсовъ земли

И разошлись въ часы разсвѣта,
И каждый молча сохранялъ
Другому чуждаго завѣта
Отвѣка розный идеалъ . . .

Въ тѣняхъ сплетенные случайно
Съ листами чуждые листы —
Все за лучомъ стремятся тайно
Принять привычныя черты.

*

Теряетъ берегъ очертанья.
Плыви, челнокъ!
Плыви впередъ безъ содроганья —
Мой сонъ глубокъ.
Его покоя не нарушитъ
Громада волнъ,
Когда со стономъ внизъ обрушитъ
На утлый челнъ.
Въ туманѣ чистомъ и глубокомъ,
Челнокъ, плыви.
Все о безсмертьи въ снѣ далекомъ
Мечты мои.

*

Прошедшихъ дней немеркнущимъ сіяньемъ
Душа, какъ прежде, вся озарена.
Но осень ранняя, задумчиво грустна,
Овѣяла меня тоскующимъ дыханьемъ.
Близка разлука. Ночь темна.
А все звучитъ вдали, какъ въ тѣ младые дни:
— *Мои грѣхи въ твоихъ святыхъ молитвахъ,*
— *Офелія, о нимфа, помяни.*
И полнится душа тревожно и напрасно
Воспоминаньемъ дальнымъ и прекраснымъ.

*

Не призывай и не сули
Душѣ былого вдохновенья.
Я — одинокій сынъ земли,
Ты — лучезарное видѣнье.

Я знаю твой побѣдный ликъ,
Призывный голосъ слышу ясно,
Душѣ понятенъ твой языкъ,
Но ты зовешь меня напрасно.

Земля пустынна, ночь блѣдна,
Недвижно звѣздное сіянье,
Въ моей душѣ отражена
Обитель страха и молчанья.

*

Въ часы вечерняго тумана
Слетаетъ въ вихрѣ и огнѣ
Крылатый ангелъ отъ страницъ Корана
На душу мертвенную мнѣ.

Умъ полонъ томнаго безсилья,
Душа летитъ, летитъ . . .
Вокругъ шумятъ безчисленныя крылья,
И пѣсня тайная звенитъ.

*

На небѣ зарево. Глухая ночь мертва.
Толпится вкругъ меня лѣсныхъ деревъ громада,
Но явственно доносится молва
Далекаго, невѣдомаго града.
Ты различишь домовъ тяжелый рядъ,
И башни, и зубцы бойницъ его суровыхъ,
И темные сады за камнями оградъ,
И стѣны гордыя твердынь многовѣковыхъ.
Такъ явственно изъ глубины вѣковъ
Пытливый умъ готовитъ къ возрожденью
Забытый гулъ погибшихъ городовъ
И бытія возвратное движенье.

*

Не довѣряй своихъ дорогъ
Толпѣ ласкателей несмѣтной:
Они сломаютъ твой чертогъ,
Погасятъ жертвенникъ завѣтный.

Всѣ духомъ сильные одни
Толпы нестройной убѣгаютъ,
Одни на холмахъ жгутъ огни,
Завѣсы мрака разрываютъ.

*

Увижу я, какъ будетъ погибать
Вселенная, моя отчизна.
Я буду одиноко ликовать
Надъ бытія ужасной тризной.

Пусть одинокъ, но радостенъ мой вѣкъ,
Въ уничтоженіе влюбленный.
Да, я, какъ ни одинъ великій человѣкъ,
Свидѣтель гибели вселенной.

*

Погибло все. Палящее свѣтило
По прежнему вершитъ годовъ круговоротъ.
Подъ холмами тоскливая могила
О прежнемъ бытіи прекрасномъ вопіетъ.
И черной ночью бѣлый призракъ ждетъ
Другихъ тѣней безмолвно и уныло.

Ты обрѣтешь, бѣлѣющая тѣнь,
Толпы другихъ, утратившихъ былое.
Минуетъ ночь, проснется долгій день —
Опять взойдетъ въ своемъ палящемъ знoѣ
Свѣтило дня, свѣтило огневое
И будетъ жечь тоскующую сѣнь.

*

То сонъ предутренній сошелъ,
И духъ, на грани пробужденья,
Воспрянулъ, вскрикнулъ и обрѣлъ
Давно мелькнувшее видѣнье.

То былъ безжалостный порывъ
Безсмертныхъ мыслей внѣ сомнѣній.
И онъ промчался, разбудивъ
Толпы забытыхъ откровеній.

То безконечность пронесла
Надъ падшимъ духомъ ураганы.
То Вѣчно-Юная прошла
Въ неозаренные туманы.

*

Твой образъ чудится невольно
Среди знакомыхъ пошлыхъ лицъ.
Порой легко, порою больно
Передъ Тобой не падать ницъ.
Ты не жила въ моемъ волненьи,
Но въ томъ родномъ для насъ краю —
И въ одинокомъ поклоненьи
Позналъ я истинность Твою.

*

Ночь грозой бушевала, и молній огни
Озаряли гряду отдаленныхъ холмовъ;
Только утромъ я поднялъ безжизненный трупъ
И зарылъ подъ холмами, у края земли.

День прошелъ молчаливъ и таинственно свѣжъ.
Ввечеру подошла непроглядная тьма,
И у края земли, надъ холмами вдали
Я услышалъ безжизненный голосъ тоски.

Я пытался разбить заколдованный кругъ,
Перейти за черту оглушающей тьмы,
Но на утро я самъ задохнулся вдали,
Безпокойно простертый у края земли.

*

Ты была у окна,
И чиста и нѣжна,
Ты царила надъ шумной толпой.
Я стоялъ позабытъ
И толпою сокрытъ
Въ поклоненьи любви предъ тобой.
Поклоненьемъ горда,
И теперь и всегда,
Ты безъ мысли смотрѣла впередъ.
А внизу у окна,
Какъ морская волна,
Предъ тобой колыхался народъ.

*

Отрекись отъ любимыхъ твореній,
Отъ людей и общеній въ міру,
Отрекись отъ мірскихъ вожделѣній,
Думай день и молись ввечеру.
Если духъ твой горитъ безпокойно,
Отгоняй вдохновенія прочь.
Лишь единая мудрость достойна
Перейти въ неизбѣжную ночь.

*

Въ тѣ цѣломудренные годы
Я понялъ тайный жизни смыслъ,
Поклонникъ твой, дитя свободы,
Какъ ты, далекій строгихъ числъ.
Иль эти годы миновали,
Что я, свободу разлюбя,
Смотрю въ грядущія печали
И числю, числю безъ тебя?
Что жъ! Пусть прошедшему забвенье —
Не въ настоящемъ жизни смыслъ!
Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятыхъ числъ.

*

Мой монастырь, гдѣ я томлюсь безбожно, —
Подъ зноемъ разума расплавленный гранитъ.
Мнѣ душно. Мнѣ темно подъ этимъ зноемъ ложнымъ.
Я ухожу въ другой палящій скитъ . . .

Тамъ будетъ зной, но зной земли всегдашній.
Кровавый шаръ расплавитъ мозгъ до тла,
И я сойду съ ума спокойнѣй и безстрашнѣй,
Чѣмъ здѣсь, гдѣ плоть и кровь изнемогла.

Гдѣ новый скитъ? Гдѣ монастырь мой новый?
Не въ небесахъ, гдѣ гробовая тьма,
А на землѣ — и пошлый и здоровый,
Гдѣ все найду, когда сойду съ ума!

*

О. М. Соловьевой

Ищу спасенья.
Мои огни горятъ на высяхъ горъ —
Всю область ночи озарили.
Но ярче всѣхъ — во мнѣ духовный взоръ
И Ты вдали . . . Но Ты ли?
Ищу спасенья.

Торжественно звучитъ на небѣ звѣздный хоръ.
Меня клянутъ людскія поколѣнья.
Я для Тебя въ горахъ зажегъ костеръ,
Но Ты — видѣнье.
Ищу спасенья.

Усталъ звучать, смолкаетъ звѣздный хоръ.
Уходитъ ночь. Бѣжитъ сомнѣнье.
Тамъ сходишь Ты съ далекихъ свѣтлыхъ горъ.
Я ждалъ Тебя. Я духъ къ Тебѣ простеръ.
Въ Тебѣ — спасенье!

*

Медленно, тяжко и вѣрно
Въ черную ночь уходя,
Полный надежды безмѣрной,
Слово молитвы твердя,
Знаю — молитва поможетъ
Ясной надеждѣ всегда,
Тяжкая вѣрность заложитъ
Медленный камень труда.
Медленно, тяжко и вѣрно
Мѣрю ночные пути:
Полному вѣры безмѣрной
Къ утру возможно дойти.

*

Завтра съ первымъ лучомъ
Восходящаго въ небѣ свѣтила
Встанетъ въ сердцѣ моемъ
Необъятная сила.
Духъ всколеблетъ эѳиръ
И вселенной нѣмое забвенье,
Придвигается міръ
Моего обновленья.
Воскурю я кадило,
Опояшусь мечомъ
Завтра съ первымъ лучомъ
Восходящаго въ небѣ свѣтила.

*

Въ полночь глухую рожденная
Спутникомъ блѣднымъ земли,
Въ ткани земли облеченная,
Ты серебрилась вдали.
Шелъ я на сѣверъ безлиственный,
Шелъ я въ морозной пыли,
Слышалъ твой голосъ таинственный,
Ты серебрилась вдали.
Въ полночь глухую рожденная
Ты серебрилась вдали.
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли.
Эллины, эллины сонные,
Солнце разлейте вдали!
Стала душа пораженная
Комомъ холодной земли!

*

К. М. С.

Ты не обманешь, призракъ блѣдный,
Давно испытанныхъ страстей.
Твой видъ нестройный, образъ бѣдный
Не поразитъ души моей.
Я помню дальнее былое,
Но въ близкомъ будущемъ не жду
Волненій страсти. Молодое —
Оно прошло — я не найду
Въ твоемъ усталомъ, но зовущемъ,
Ненужномъ призракѣ — огня.
Ты только замысломъ гнетущимъ
Еще измучаешь меня.

*

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
    Уходишь прочь.
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ прощальный
    Шлю въ эту ночь.
А я все тотъ же гость усталый
    Земли чужой.
Бреду, какъ путникъ запоздалый,
    За красотой.
А между тѣмъ — кругомъ молчанье,
    И міръ мнѣ пустъ,
И смерти раннее призванье
    Не сходитъ съ устъ.
И ты, мой юный, вѣчной тайной
    Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный
    Какъ прежде — въ ночь.

*

СТИХИ
О
ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

(1901—1902)

ВСТУПЛЕНІЕ

Отдыхъ напрасенъ. Дорога крута.
Вечеръ прекрасенъ. Стучу въ ворота.

Дальнему стуку чужда и строга,
Ты разсыпаешь кругомъ жемчуга.

Теремъ высокъ, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

Кто поджигалъ на зарѣ терема,
Что воздвигала Царевна Сама?

Каждый конекъ на узорной рѣзьбѣ
Красное пламя бросаетъ къ Тебѣ.

Куполъ стремится въ лазурную высь.
Синія окна румянцемъ зажглись.

Всѣ колокольные звоны гудятъ.
Залитъ весной беззакатный нарядъ.

Ты ли меня на закатахъ ждала?
Теремъ зажгла? Ворота отперла?

1903

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

I

ВИДѢНІЯ

(Весна 1901 года)

Я вышелъ. Медленно сходили
На землю сумерки зимы.
Минувшихъ дней младыя были
Пришли довѣрчиво изъ тьмы . . .

Пришли и встали за плечами,
И пѣли съ вѣтромъ о веснѣ . . .
И тихими я шелъ шагами,
Провидя вѣчность въ глубинѣ . . .

О, лучшихъ дней живыя были!
Подъ вашу пѣснь изъ глубины
На землю сумерки сходили
И вѣчности вставали сны! . .

Январь 1901 г./С.-Петербургъ

*

Вѣтеръ принесъ издалека
Пѣсни весенней намекъ,
Гдѣ-то свѣтло и глубоко
Неба открылся клочокъ.

Въ этой бездонной лазури,
Въ сумеркахъ близкой весны
Плакали зимнія бури,
Рѣяли звѣздные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Вѣтеръ принесъ издалека
Звучныя пѣсни твои.

*

Тихо вечернія тѣни
Въ синихъ ложатся снѣгахъ.
Сонмы нестройныхъ видѣній
Твой потревожили прахъ.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь въ снѣговой пеленѣ . . .
Пѣсни твоей лебединой
Звуки почудились мнѣ.
Голосъ, зовущій тревожно,
Эхо въ холодныхъ снѣгахъ . . .
Развѣ воскреснуть возможно?
Развѣ былое — не прахъ?
Сонмы могильныхъ видѣній,
Звуки живыхъ голосовъ . . .
Тихо вечернія тѣни
Синихъ коснулись снѣговъ.

*

Душа молчитъ. Въ холодномъ небѣ
Всѣ тѣ же звѣзды ей горятъ.
Кругомъ о златѣ и о хлѣбѣ
Народы шумные кричатъ . . .
Душа свои дары готовитъ
И умащенная, въ тиши,
Неустающимъ слухомъ ловитъ
Далекій зовъ другой души . . .
Такъ — бѣлыхъ птицъ надъ океаномъ
Неразлученныя сердца
Звучатъ призывомъ за туманомъ
Понятнымъ имъ лишь до конца.

*

Я понялъ смыслъ твоихъ стремленій —
Тебѣ я заслоняю путь.
Огонь нездѣшнихъ вожделѣній
Вздымаетъ дѣвственную грудь.
Я понялъ все и отхожу я.
Благословенъ прошедшій день.
Ты, въ аломъ сумракѣ ликуя,
Ночную миновала тѣнь,
Но риза дѣвственная зрима,
Мой день съ тобою проведенъ . . .
Пускай душа неисцѣлима —
Благословенъ прошедшій сонъ.

*

Ты отходишь въ сумракъ алый,
Въ безконечные круги.
Я послышалъ отзвукъ малый,
Отдаленные шаги.
Близко ты или далече
Затерялась въ вышинѣ?
Ждать, иль нѣтъ, внезапной встрѣчи
Въ этой звучной тишинѣ?
Въ тишинѣ звучатъ сильнѣе
Отдаленные шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенѣя,
Безконечные круги?

6 марта

*

МОЕЙ МАТЕРИ

Чѣмъ больнѣй душѣ мятежной,
Тѣмъ яснѣй міры.
Богъ лазурный, чистый, нѣжный
Шлетъ свои дары.
Шлетъ невзгоды и печали,
Нѣжностью объятъ.
Но чрезъ нихъ въ иныя дали
Проникаетъ взглядъ.
И больнѣй душѣ мятежной,
Но яснѣй міры.
Это — Богъ лазурный, нѣжный,
Шлетъ свои дары.

*

О. М. Соловьевой

Ночью сумрачной и дикой —
Сынъ бездонной глубины —
Бродитъ призракъ блѣдноликій
На поляхъ моей страны,
И поля во мглѣ великой
Чужды, хладны и темны.
Лишь порой, заслышавъ Бога,
Дочь блаженной стороны
Изъ родимаго чертога
Гонитъ призрачные сны,
И въ поляхъ мелькаетъ много
Чистыхъ дѣвственницъ весны.

*

За городомъ въ поляхъ весною воздухъ дышетъ.
Иду и трепещу въ предвѣстіи огня.
Тамъ, знаю, впереди — морскую зыбь колышетъ
Дыханье сумрака — оно томитъ меня.
Я знаю: далеко — шумитъ, шумитъ столица.
Тамъ, въ сумеркахъ весны, неугомонный зной.
О, скудныя сердца! Какъ безнадежны лица!
Незнавшіе весны тоскуютъ надъ собой.
А здѣсь, какъ память лѣтъ невинныхъ и великихъ,
Изъ сумрака зари — невѣдомые лики
И вѣчности далекіе огни . . .
Забудемъ дольній шумъ. Явись ко мнѣ безъ гнѣва,
Закатная, Таинственная Дѣва.
И завтра и вчера огнемъ соедини.

*

ПОЛЕ ЗА ПЕТЕРБУРГОМЪ

Въ день холодный, въ день осенній
Я вернусь туда опять
Вспомнить этотъ вздохъ весенній,
Прошлый образъ увидать.
Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгорю.
Встрѣчу пѣсней наудачу
Новой осени зарю.
Самый огнь — слѣпыя очи
Не сожжетъ мечтой былой.
Самый день — темнѣе ночи
Усыпленному душой.

*

Кто-то шепчетъ и смѣется
Сквозь лазоревый туманъ.
Только мнѣ въ тиши взгрустнется —
Снова смѣхъ изъ милыхъ странъ!
Снова шопотъ — и въ шептаньи
Чья-то ласка, какъ во снѣ,
Въ чьемъ-то женственномъ дыханьи,
Видно, вѣчно радость мнѣ!
Пошепчи, посмѣйся, милый,
Милый образъ, нѣжный сонъ;
Ты нездѣшней, видно, силой
Надѣленъ и окрыленъ.

*

Бѣлой ночью мѣсяцъ красный
Выплываетъ въ синевѣ.
Бродитъ призрачно-прекрасный,
Отражается въ Невѣ.
Мнѣ провидится и снится
Исполненье тайныхъ думъ.
Въ васъ ли доброе таится,
Красный мѣсяцъ, тихій шумъ?

*

Они звучатъ, они ликуютъ,
Не уставая никогда,
Они побѣду торжествуютъ,
Они блаженны навсегда.
Кто услѣдитъ въ окрестномъ гамѣ,
Кто ощутитъ хоть краткій мигъ
Мой радостный въ зеленомъ храмѣ,
Мой гармоническій языкъ?
Пусть всѣмъ чужда моя свобода,
Пусть всѣмъ я чуждъ въ саду моемъ —
Звенитъ и буйствуетъ природа,
Я — соучастникъ ей во всемъ!

*

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

II

ВОРОЖБА

(Лѣто 1901 года)

Одинокій, къ тебѣ прихожу,
Околдованъ огнями любви.
Ты гадаешь. — Меня не зови. —
Я и самъ ужъ давно ворожу.

От тяжелаго бремени лѣтъ
Я спасался одной ворожбой.
И опять ворожу надъ тобой,
Но не ясенъ и смутенъ отвѣтъ.

*

Предчувствую тебя. Года проходятъ мимо —
Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.
Весь горизонтъ въ огнѣ — и ясенъ нестерпимо,
И, молча, жду — *тоскуя и любя*[1].
Весь горизонтъ въ огнѣ, и близко появленье,
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты,
И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.
О, какъ паду — и горестно, и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!
Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко.
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

4 іюня/с. Шахматово

★

---

[1] И тяжкій сонъ житейскаго сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьевъ

И я, невѣрный, тосковалъ,
И въ поэтическомъ стремленьи
И я безъ нужды покидалъ
Свои родимыя селенья.
Но внятенъ сердцу былъ языкъ,
Неслышный уху — въ отдаленьи,
И въ запоздаломъ умиленьи
Я возвратился — и постигъ.

*

... и поздно желать,
Все минуло: и счастье и горе.

Вл. Соловьевъ

Не сердись и прости. Ты цвѣтешь одиноко,
    Да и мнѣ не вернуть
Этихъ сновъ золотыхъ, этой вѣры глубокой . . .
    Безнадеженъ мой путь.
Мыслью сонной цвѣтя, ты блаженствуешь много,
    Ты лазурью сильна.
Мнѣ — другая и жизнь, и другая дорога,
    И душѣ — не до сна.
Вѣрь — несчастнѣй моихъ молодыхъ поклоненій
    Нѣтъ въ обширной странѣ,
Гдѣ дышалъ и любилъ твой таинственный геній,
    Безучастный ко мнѣ.

*

За туманомъ, за лѣсами
Загорится — пропадетъ,
Ѣду влажными полями —
Снова издали мелькнетъ.

Такъ блудящими огнями
Поздней ночью, за рѣкой,
Надъ печальными лугами
Мы встрѣчаемся съ Тобой.

Но и ночью нѣтъ отвѣта,
Ты уйдешь въ рѣчной камышъ,
Унося источникъ свѣта,
Снова издали манишь.

*

Въ бездѣйствіи младомъ, въ передразсвѣтной лѣни
Душа парила ввысь и тамъ Звѣзду нашла.
Туманенъ вечеръ былъ, ложились мягко тѣни.
Вечерняя Звѣзда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на темныя ступени
Вступила Ты и, Тихая, всплыла.
И шаткою мечтой въ передразсвѣтной лѣни
На звѣздные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманомъ сновидѣній.
И юность робкая съ мечтами безъ числа.
И близится разсвѣтъ. И убѣгаютъ тѣни.
И, Ясная, Ты съ солнцемъ потекла.

*

Сегодня шла Ты одиноко,
Я не видалъ Твоихъ чудесъ.
Тамъ, надъ горой Твоей высокой,
Зубчатый простирался лѣсъ.
И этотъ лѣсъ, сомкнутый тѣсно,
И эти горные пути
Мѣшали слиться съ неизвѣстнымъ,
Твоей лазурью процвѣсти.

*

С. Соловьеву

Она росла за дальними горами.
Пустынный долъ — ей родина была.
Никто изъ васъ горящими глазами
Ее не зрѣлъ — она одна росла.
И только ликъ безсмертнаго свѣтила,
Что день — смотрѣлъ на дѣвственный расцвѣтъ,
И, влажный злакъ, она къ нему всходила,
Она въ себѣ хранила тайны слѣдъ.
И въ смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто изъ васъ не видѣлъ здѣшній прахъ . . .
Вдругъ расцвѣла, въ лазури торжествуя,
Въ иной дали и въ неземныхъ горахъ.
И нынѣ вся овѣяна снѣгами.
Кто бѣлый храмъ, безумцы, посѣтилъ?
Она цвѣла за дальними горами,
Она течетъ въ ряду иныхъ свѣтилъ.

*

Внемля зову жизни смутной,
Тайно плещущей во мнѣ,
Мысли ложной и минутной
Не отдамся и во снѣ.
Жду волны — волны попутной
Къ лучезарной глубинѣ.

Чуть слѣжу, склонивъ колѣни,
Взоромъ кротокъ, сердцемъ тихъ,
Уплывающія тѣни
Суетливыхъ дѣлъ мірскихъ
Средь видѣній, сновидѣній,
Голосовъ міровъ иныхъ.

*

Прозрачныя, невѣдомыя тѣни
Къ Тебѣ плывутъ, и съ ними Ты плывешь,
Въ объятія лазурныхъ сновидѣній,
Невнятныхъ намъ, — Себя Ты отдаешь.

Передъ Тобой синѣютъ безъ границы
Моря, поля, и горы, и лѣса,
Перекликаются въ свободной выси птицы,
Встаетъ туманъ, алѣютъ небеса.

А здѣсь, внизу, въ пыли, въ уничиженьи,
Узрѣвъ на мигъ безсмертныя черты,
Безвѣстный рабъ, исполненъ вдохновенья,
Тебя поетъ. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его въ толпѣ народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда во слѣдъ взираетъ, несвободный,
Вкусивъ на мигъ безсмертья Твоего.

*

Я жду призыва, ищу отвѣта,
Нѣмѣетъ небо, земля въ молчаньи,
За желтой нивой — далеко гдѣ-то —
На мигъ проснулось мое воззванье.

Изъ отголосковъ далекой рѣчи,
Съ ночного неба, съ полей дремотныхъ,
Все мнятся тайны грядущей встрѣчи,
Свиданій ясныхъ, но мимолетныхъ.

Я жду — и трепетъ объемлетъ новый.
Все ярче небо, молчанье глуше . . .
Ночную тайну разрушитъ слово . . .
Помилуй, Боже, ночныя души!

На мигъ проснулось за нивой, гдѣ-то,
Далекимъ эхомъ мое воззванье.
Все жду призыва, ищу отвѣта,
Но странно длится земли молчанье . . .

*

С. Соловьеву

Входите всѣ. Во внутреннихъ покояхъ
Завѣта нѣтъ, хоть тайна здѣсь лежитъ.
Старинныхъ книгъ на древнихъ аналояхъ
Смущаетъ васъ оцѣпенѣвшій видъ.

Здѣсь въ нихъ жива святая тайна Бога,
И этимъ древностямъ истлѣнья нѣтъ.
Вы, гордые, что создали такъ много,
Внушитель васъ и зодчій — здѣшній свѣтъ.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливыя хуленья на Творца.
Вы всѣ, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здѣсь предъ тайной безъ конца.

*

Ты прошла голубыми путями,
За тобою клубится туманъ.
Вечерѣющій сумракъ надъ нами
Обратился въ желанный обманъ.
Надъ Твоей голубою дорогой
Протянулась зловѣщая мгла.
Но съ глубокою вѣрою въ Бога
Мнѣ и темная церковь свѣтла.

*

Не жди послѣдняго отвѣта,
Его въ сей жизни не найти.
Но ясно чуетъ слухъ поэта
Далекій гулъ въ своемъ пути.
Онъ приклонилъ съ вниманьемъ ухо,
Онъ жадно внемлетъ, чутко ждетъ,
И донеслось уже до слуха:
Цвѣтетъ, блаженствуетъ, растетъ . . .
Все ближе — чаянье сильнѣе,
Но, ахъ! — волненья не снести . . .
И вѣщій падаетъ, нѣмѣя,
Заслыша близкій гулъ въ пути.
Кругомъ — семья въ чаду моленій,
И надъ кладбищемъ — мѣрный звонъ . . .
Имъ не постигнуть сновидѣній,
Которыхъ не дождался онъ!

*

Не пой ты мнѣ и сладостно, и нѣжно:
Утратилъ я давно съ юдолью связь.
Моря души — просторны и безбрежны,
Погибнетъ пѣснь, въ безбрежность удалясь.

Одни слова безъ пѣсенъ сердцу ясны.
Лишь правдой ихъ надъ сердцемъ процвѣтешь.
А пѣсни звукъ — докучливый и страстный —
Таитъ въ тебѣ невидимую ложь.

Мой юный пылъ тобою же осмѣянъ,
Покинутъ мной — туманы позади.
Объемли сны, какими я овѣянъ,
Пойми сама, что будетъ впереди.

*

Не жаль мнѣ дней ни радостныхъ, ни знойныхъ,
Ни лѣта зрѣлаго, ни молодой весны.
Они прошли — свѣтло и безпокойно,
И вновь придутъ — они землей даны.

Мнѣ жаль, что день *великій* скоро минетъ,
Умретъ едва рожденное дитя.
О, жаль мнѣ, другъ, — грядущій пылъ остынетъ,
Въ прошедшій мракъ и въ холодъ уходя!

Нѣтъ, хоть въ концѣ тревожнаго скитанья
Найду пути и не вздохну о днѣ!
Не омрачить завѣтнаго свиданья
Тому, кто *здѣсь* вздыхаетъ обо мнѣ.

★

Признакъ истиннаго чуда
Въ часъ полночной темноты —
Мглистый мракъ и камней груда,
Въ нихъ горишь алмазомъ ты.

А сама — за мглой рѣчною
Направляешь горный бѣгъ
Ты, лазурью золотою
Просіявшая навѣкъ.

29 іюля/Фабрика

*

Ты далека, какъ прежде, такъ и нынѣ,
Мнѣ не найти родные берега.
Моя печаль чужда твоей святынѣ,
Моя душа тебѣ не дорога.

Суровый хладъ — твоя святая сила:
Безбожный жаръ нейдетъ святымъ мѣстамъ.
Пускай любви — забвенье и могила,
Ты надъ могилой — лучезарный храмъ.

*

Стою на царственномъ пути.
Глухая ночь, кругомъ огни, —
Неясно теплятся они,
А къ утру надо все найти.
Ступлю впередъ — навстрѣчу мракъ,
Ступлю назадъ — слѣпая мгла.
А тамъ — одна черта свѣтла,
И на чертѣ — условный знакъ.

*

Сумерки, сумерки вешнія,
Хладныя волны у ногъ,
Въ сердцѣ — надежды нездѣшнія,
Волны бѣгутъ на песокъ.

Отзвуки, пѣсня далекая,
Но различить — не могу.
Плачетъ душа одинокая
Тамъ, на другомъ берегу.

Тайна-ль моя совершается,
Ты-ли зовешь вдалекѣ?
Лодка ныряетъ, качается,
Что-то бѣжитъ по рѣкѣ.

Въ сердцѣ — надежды нездѣшнія,
Кто-то навстрѣчу — бѣгу . . .
Отблески, сумерки вешнія,
Клики на томъ берегу.

*

Ты горишь надъ высокой горою,
Недоступна въ Своемъ терему.
Я примчуся вечерней порою,
Въ упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышавъ меня издалека,
Свой костеръ разведешь ввечеру.
Стану, вѣрный велѣніямъ Рока,
Постигать огневую игру.

И, когда среди мрака снопами
Искры станутъ кружиться въ дыму, —
Я умчусь съ огневыми кругами
И настигну Тебя въ терему.

*

Видно, дни золотые пришли.
Всѣ деревья стоятъ, какъ въ сіяньи.
Ночью холодомъ вѣетъ съ земли:
Утромъ бѣлая церковь вдали
И близка и ясна очертаньемъ.

Все поютъ и поютъ вдалекѣ,
Кто поетъ — не пойму; а казалось,
Будто къ вечеру тамъ, на рѣкѣ —
Въ камышахъ-ли, въ сухой осокѣ —
И знакомая пѣснь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и пѣснямъ знакомымъ не вѣрю.
Все равно — мнѣ пѣвца не понять . . .
    Отъ себя ли скрывать
    Роковую потерю?

*

Кругомъ далекая равнина,
Да толпы обгорѣлыхъ пней.
Внизу — родимая долина,
И тучи стелятся надъ ней.
Ничто не манитъ за собою,
Какъ будто даль сама близка.
Здѣсь между небомъ и землею
Живетъ угрюмая тоска.
Она и днемъ и ночью роетъ
Въ поляхъ песчаные бугры.
Порою жалобно завоетъ
И вновь умолкнетъ — до поры.
И все, что будетъ, все, что было, —
Холодный и бездушный прахъ,
Какъ эти камни надъ могилой
Любви, затерянной въ поляхъ.

Ивлево

*

Я все гадаю надъ тобою,
Но, истомленный ворожбой,
Смотрю въ глаза твои порою
И вижу пламень роковой.
Или великое свершилось,
И ты хранишь завѣтъ временъ
И, озаренная, укрылась
Отъ дуновенія племенъ?
Но я, покорствуя заранѣ,
Знай, сохраню святой завѣтъ.
Не оставляй меня въ туманѣ
Твоихъ первоначальныхъ лѣтъ.
Лежитъ заклятье между нами,
Но, въ постоянствѣ недвижимъ,
Скрываю родственное пламя
Подъ бѣднымъ обликомъ своимъ.

*

Нѣтъ конца лѣснымъ тропинкамъ.
Только встрѣтить до звѣзды
Чуть замѣтные слѣды . . .
Внемлетъ слухъ лѣснымъ былинкамъ.

Всюду ясная молва
Объ утраченныхъ и близкихъ . . .
По верхушкамъ елокъ низкихъ
Перелетныя слова . . .

Не замѣчу-ль по былинкамъ
Потаеннаго слѣда . . .
Вотъ она — зажглась звѣзда!
Нѣтъ конца лѣснымъ тропинкамъ.

Церковный лѣсъ

*

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

III

КОЛДОВСТВО

(Осень и зима 1901 года)

Смотри — я отступаю въ тѣнь,
А ты попрежнему въ сомнѣньи
И все боишься встрѣтить день,
Не чуя ночи приближенья.
Не жди ты вдохновенныхъ словъ —
Я, запоздалый на границѣ,
Спокойно жду послѣднихъ сновъ,
Забытыхъ здѣсь, въ земной темницѣ.
Могу ли я хранить мечты
И вѣрить въ здѣшнія видѣнья,
Когда единственная ты
Не вѣришь смертнымъ пѣснопѣньямъ?
Но предо мной кружится мгла,
Не чую мимолетной боли,
И ты безоблачно свѣтла,
Но лишь въ безсмертьи — не въ юдоли.

*

Пройдетъ зима — увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: Сколько красоты!
— Какая мертвая дремота!
Но помни, юная, въ тиши
Моихъ равнинъ хранилъ я думы
И тщетно ждалъ твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.
Я въ этомъ сумракѣ гадалъ,
Взиралъ въ лицо я смерти хладной
И безконечно долго ждалъ,
Въ туманы всматриваясь жадно.
Но мимо проходила ты, —
Среди болотъ хранилъ я думы
И этой мертвой красоты
Въ душѣ остался слѣдъ угрюмый.

*

Встану я въ утро туманное,
Солнце ударитъ въ лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мнѣ на крыльцо?

Настежь ворота тяжелыя!
Вѣтромъ пахнуло въ окно!
Пѣсни такія веселыя
Не раздавались давно!

Съ ними и въ утро туманное
Солнце и вѣтеръ въ лицо!
Съ ними подруга желанная
Всходитъ ко мнѣ на крыльцо!

*

Ты уходишь отъ земной юдоли,
Сердца лучшаго любовь тебѣ несутъ.
Страшныхъ сновъ не жди отъ новой воли, —
Хоры ангеловъ, не смертныхъ, припадутъ.

Припадутъ и снимутъ власяницы —
Символъ здѣшнихъ непомѣрныхъ бѣдъ.
Я, въ тоскѣ, покину на границѣ
Твой нездѣшній, твой небесный слѣдъ.

Покидай безсилье мірозданья,
Твой покой теперь ненарушимъ.
Предо мною — ѓрань богопознанья,
Неизбѣжный сумракъ, черный дымъ.

*

Снова ближе вечернія тѣни,
Ясный день догараетъ вдали.
Снова сонмы нездѣшнихъ видѣній
Всколыхнулись — плывутъ — подошли.

Что же ты на великую встрѣчу
Не вскрываешь свои глубины?
Или чуешь иного предтечу
Несомнѣнной и близкой весны?

Чуть во мракѣ свѣтильникъ завижу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты жъ и въ сумракѣ, милая, ближе
Къ неподвижному жизни ключу.

*

Хранила я среди младыхъ созвучій
Задумчивый и нѣжный образъ дня.
Вотъ дунулъ вихрь, поднялся прахъ летучій,
И солнца нѣтъ, и сумракъ вкругъ меня.
Но въ кельѣ — май, и я живу, незрима,
Одна, въ цвѣтахъ, и жду другой весны.
Идите прочь — я чую серафима,
Мнѣ чужды здѣсь земные ваши сны.
Идите прочь, скитальцы, дѣти, боги!
Я расцвѣту еще въ послѣдній день,
Мои мечты — священные чертоги,
Моя любовь — нѣмѣющая тѣнь.

*

Медленно въ двери церковныя
Шла я, душой несвободная,
Слышались пѣсни любовныя,
Толпы молились народныя.
Или въ минуту безвѣрія
Онъ мнѣ послалъ облегченіе?
Часто въ церковныя двери я
Нынѣ вхожу безъ сомнѣнія.
Падаютъ розы вечернія,
Падаютъ тихо, медлительно.
Я же молюсь суевѣрнѣе,
Плачу и каюсь мучительно.

17 октября/С.-Петербургъ

*

Я полонъ пламенной надежды, —
Ты замедляешь быстрый шагъ,
Но черезъ сомкнутыя вѣжды
Горятъ слова: — Не другъ, а врагъ.

Лишь отпылать — и правда ближе.
Порой — священныя мечты
Проходятъ медленно — и ниже
Пылаю я, и выше — ты.

Тогда, въ спасительномъ забвеньи,
Улыбка бродитъ по лицу.
На завтра — въ новомъ угнетеньи —
Тоска по брачному вѣнцу.

*

Зарево бѣлое, желтое, красное,
Крики и звонъ вдалекѣ.
Ты не обманешь, тревога напрасная,
Вижу огни на рѣкѣ.

Заревомъ яркимъ и поздними криками
Ты не разрушишь мечты.
Смотрится призракъ очами великими
Изъ-за людской суеты.

Смертью твоею натѣшу лишь взоры я,
Жги же свои корабли!
Вонъ они — тихіе, свѣтлые, скорые
Мчатся ко мнѣ издали.

*

Одинъ порывъ — безвластный и плакучій,
Одна мечта — чрезмѣрностью слаба, —
И снова онъ — до боли жгучій,
Безсильный сонъ раба.

Но ты вкуси волшебство бѣдъ вседневныхъ
И сонъ другой — проклятый сонъ вѣковъ.
Въ горнилѣ старостей душевныхъ
Цвѣтетъ восторгъ боговъ.

*

Жду я холоднаго дня,
Сумерекъ сѣрыхъ я жду.
Замерло сердце, звеня:
Ты говорила: — Приду. —

— Тихо приду и замру,
— Какъ твое сердце, звеня,
— Двери тебѣ отопру
— Въ сумеркахъ зимняго дня.

*

Будетъ день — и свершится великое,
Чую въ будущемъ подвигъ души.

Ты — другая, нѣмая, безликая,
Притаилась, колдуешь въ тиши.

Но, во что обратишься, — не вѣдаю,
И не знаешь ты, буду ли твой.

А ужъ *Тамъ* веселятся побѣдою
Надъ единой и страшной душой.

*

Я долго ждалъ — ты вышла поздно,
Но въ ожиданьи ожилъ духъ,
Ложился сумракъ, но безслезно
Я напрягалъ и взоръ, и слухъ.

Когда же первый вспыхнулъ пламень,
И слово къ небу понеслось, —
Разбился ледъ, послѣдній камень
Упалъ, — и сердце занялось.

Ты въ бѣлой вьюгѣ, въ снѣжномъ стонѣ
Опять волшебницей всплыла,
И въ вѣчномъ свѣтѣ, въ вѣчномъ звонѣ
Церквей смѣшались купола.

*

Ночью вьюга снѣжная
Заметала слѣдъ.
Розовое, нѣжное
Утро будитъ свѣтъ.

Встали зори красныя,
Озаряя снѣгъ.
Яркое и страстное
Всколыхнуло брегъ.

Вслѣдъ за льдиной синею
Въ полдень я всплыву.
Дѣву въ снѣжномъ инеѣ
Встрѣчу наяву.

*

Темно въ комнатахъ и душно —
Выйди ночью — ночью звѣздной,
Полюбуйся равнодушно,
Какъ сердца горятъ надъ бездной.

Ихъ костры далеко зримы,
Озаряя мракъ окрестный.
Ихъ мечты неутолимы,
Непомѣрны, неизвѣстны . . .

О, зачѣмъ въ ночномъ сіяньи
Не взлетятъ они надъ бездной,
Никогда своихъ желаній
Не сольютъ въ странѣ надзвѣздной?

*

Неотвязный стоитъ на дорогѣ,
Бѣлый — смотритъ въ морозную ночь.
Я — навстрѣчу въ глубокой тревогѣ,
Онъ, шатаясь, сторонится прочь.

Не осилить морознаго чуда . . .
Рядомъ съ нимъ вырастаетъ вдали,
Тамъ, гдѣ камней вздымается груда,
Голубая царица земли.

И царица — въ мольбѣ и тревогѣ,
Обрученная съ холодомъ зимъ . . .
Онъ безъ жизни стоитъ на дорогѣ,
Я — навстрѣчу, безсмертьемъ томимъ.

Но напрасны безсмертныя силы —
И царицѣ свободы не жаль . . .
Торжествуя побѣду могилы,
Бѣлый — смотритъ въ морозную даль.

*

Вечерѣющій сумракъ, повѣрь,
Мнѣ напомнилъ неясный отвѣтъ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набѣжитъ исчезающій свѣтъ.
Словно блѣдныя въ прошломъ мечты,
Мнѣ лица сохранились черты
И отрывки невѣдомыхъ словъ,
Словно отклики прежнихъ міровъ,
Гдѣ жила ты и, блѣдная, шла,
Подъ рѣсницами сумракъ тая,
За тобою — живая ладья,
Словно бѣлая лебедь, плыла,
За ладьей — огневыя струи —
Безпокойныя пѣсни мои . . .
Имъ внимала задумчиво ты,
И лица сохранились черты,
И запомнилась блѣдная высь,
Гдѣ послѣдніе сны пронеслись.
Въ этой выси живу я, повѣрь,
Смутной памятью сумрачныхъ лѣтъ,
Смутно помню — отворится дверь,
Набѣжитъ исчезающій свѣтъ.

*

Сумракъ дня несетъ печаль.
Тусклыхъ улицъ очеркъ сонный,
Городъ, смутно озаренный,
Смотритъ въ розовую даль.
Видитъ съ пасмурной земли
Безнадежный глазъ столицы:
Поднялъ мракъ свои зѣницы,
Рѣютъ Ангелы вдали.
Близокъ пламенный разсвѣтъ,
Мертвецу заглянетъ въ очи
Утро послѣ долгой ночи . . .
Но бѣжитъ мелькнувшій свѣтъ,
И испуганные лики
Скрыли Ангелы въ крылахъ:
Видятъ — мертвый и безликій
Выростаетъ въ ихъ лучахъ.

*

Старый годъ уноситъ сны
Безмятежнаго расцвѣта.
На зарѣ другой весны
Нѣтъ желаннаго отвѣта.
Новый годъ пришелъ къ ночи
И раскинулъ покрывало.
Чьи-то крадутся лучи,
Что-то въ сердцѣ зазвучало.
Старый годъ уходитъ прочь.
Я невнятною мольбою,
Злая дѣва, за тобою
Вышлю сѣверную ночь.
Отуманю страстью сны
Безмятежнаго расцвѣта.
Первый день твоей весны
Будетъ пламенное лѣто.

*

ДВОЙНИКУ

Ты совершилъ надъ нею подвигъ трудный,
Но, бѣдный другъ! о, различилъ ли ты
Ея нарядъ, и праздничный и чудный,
И странные весенніе цвѣты? . . .

И зналъ ли ты, что я восторжествую?
Исчезнешь ты, свершивъ, но не любя?
Что я мечту безумно — молодую
Найду въ цвѣтахъ кровавыхъ безъ тебя?

Мнѣ ни тебя, ни дѣлъ твоихъ не надо,
Ты мнѣ смѣшонъ, ты жалокъ мнѣ, старикъ!
Твой подвигъ — мой, — и мнѣ твоя награда:
Безумный смѣхъ и сумасшедшій крикъ.

*

Мы, два старца, бредемъ одинокіе,
Сырая простерлась мгла.
Передъ нами — окна далекія,
Голубая даль свѣтла.

Но откуда въ сумракъ таинственный
Смотритъ, смотритъ свѣтъ голубой?
Мы дрожимъ мечтою единственной,
О, невнятное! предъ тобой.

О, откуда, откуда мглистыя
Заалѣли тучи, горя,
И нити бѣгутъ золотистыя,
И сумракъ румянитъ заря?

Мы, два старца, въ сумракъ таинственный
Бредемъ, — а въ окнахъ свѣтъ.
И дрожимъ мечтою единственной,
Искушенные мудростью бѣдъ.

*

НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ

Лежатъ холодные туманы,
Горятъ багровые костры.
Душа морозная Свѣтланы
Въ мечтахъ таинственной игры.
    Скрипнетъ снѣгъ — сердца займутся —
    Снова тихая луна.
    За воротами смѣются,
    Дальше — улица темна.
    Дай, взгляну на праздникъ смѣха,
    Внизъ сойду, покрывъ лицо!
    Ленты красныя — помѣха,
    Милый глянетъ на крыльцо . . .
    Но туманъ не шелохнется,
    Жду полуночной поры.
    Кто-то шепчетъ и смѣется,
    И горятъ, горятъ костры . . .
    Скрипнетъ снѣгъ — въ морозной дали
    Тихій, крадущійся свѣтъ.
    Чьи-то санки пробѣжали . . .
    — Ваше имя? — Смѣхъ въ отвѣтъ . . .
    Вотъ поднялся вихорь снѣжный,
    Побѣлѣло все крыльцо . . .
    И смѣющійся, и нѣжный
    Закрываетъ мнѣ лицо . . .
Лежатъ холодные туманы
Блѣднѣя, крадется луна.
Душа задумчивой Свѣтланы
Мечтой чудесной смущена . . .

*

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМѢ

IV

СВЕРШЕНІЯ

(1902 годъ)

С. Соловьеву

Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни.
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.
Озарены церковныя ступени,
Ихъ камень живъ — и ждетъ твоихъ шаговъ.

Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,
Одѣтый страшной святостью вѣковъ,
И можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь
Здѣсь, въ этой мглѣ, у строгихъ образовъ.

Растутъ невнятно розовыя тѣни,
Высокъ и внятенъ колокольный зовъ,
Ложится мгла на старыя ступени . . .
Я озаренъ — я жду твоихъ шаговъ.

*

Сгущался мракъ церковнаго порога
Въ дни свадебъ, въ дни рожденій, похоронъ;
А тамъ — вилась широкая дорога.
И путникъ шелъ, закатомъ озаренъ.

Тамъ не было конца свободной дали,
Но здѣсь, въ тѣни, не видѣлось ни зги;
И каждый разъ прохожаго встрѣчали
Изъ сумрака отвѣтные шаги.

Церковный сводъ давалъ размѣрнымъ звономъ
Всѣмъ путникамъ напутственный отвѣтъ;
И въ глубинѣ, надъ сумрачнымъ амвономъ,
Остерегающій струился свѣтъ.

И, проходя въ смѣющіяся дали,
Здѣсь путникъ ждалъ, задумчивъ и смущенъ,
Чтобъ меркнулъ свѣтъ, чтобъ звуки замирали . . .
И далѣ шелъ, закатомъ озаренъ.

*

Высоко съ темнотой сливается стѣна,
Тамъ — свѣтлое окно и свѣтлое молчанье.
Ни звука у дверей, и лѣстница темна,
И бродитъ по угламъ знакомое дрожанье.

Въ дверяхъ дрожащій свѣтъ и сумерки вокругъ.
И суета и шумъ на улицѣ безмѣрнѣй.
Молчу и жду тебя, мой бѣдный, поздній другъ,
Послѣдняя мечта моей души вечерней.

*

Тамъ, въ полусумракѣ собора,
Въ лампадномъ свѣтѣ образа.
Живая ночь заглянетъ скоро
Въ твои безсонные глаза.

Въ рѣчахъ о мудрости небесной
Земныя чуятся струи.
Тамъ, въ сводахъ, сумракъ неизвѣстный,
Здѣсь — холодъ каменной скамьи.

Глубокій жаръ случайной встрѣчи
Дохнулъ съ церковной высоты
На эти дремлющія свѣчи,
На образа и на цвѣты.

И вдохновительно молчанье,
И скрыты помыслы твои,
И смутно чуется познанье
И дрожь голубки и змѣи.

14 января

*

Мы преклонились у завѣта,
Молчаньемъ храма смущены.
Въ лучахъ божественнаго свѣта
Улыбка вспомнилась Жены.

Единодушны и безмолвны,
Въ однихъ лучахъ, въ однѣхъ стѣнахъ.
Постигли солнечныя волны
Вверху — на темныхъ куполахъ.

И съ этой ветхой позолоты,
Изъ этой страшной глубины
На праздникъ мой спустился Кто-то
Съ улыбкой ласковой Жены.

18 января/Исаакіевскій соборъ

*

Я укрытъ до времени въ придѣлѣ,
Но растутъ великія крыла.
Часъ придетъ — исчезнетъ мысль о тѣлѣ,
Станетъ высь прозрачна и свѣтла.

Мы съ тобой подняться не успѣли, —
Загорѣлся мой тяжелый щитъ.
Пусть же нынѣ въ роковомъ придѣлѣ,
Одинокій, въ сердцѣ догоритъ.

Новый щитъ я подниму для встрѣчи,
Вознесу живое сердце вновь.
Ты услышишь сладостныя рѣчи,
Ты отвѣтишь на мою любовь.

Часъ придетъ — въ холодныя мятели
Даль весны заглянетъ, весела.
Я укрытъ до времени въ придѣлѣ.
Но растутъ всемощныя крыла.

29 январъ

*

Сны раздумій небывалыхъ
Стерегутъ мой день.
Вотъ видѣній запоздалыхъ
Пламенная тѣнь.

Всѣ лучи моей свободы
Заалѣли *тамъ*.
Здѣсь снѣга и непогоды
Окружили храмъ.

Всѣ видѣнья такъ мгновенны —
Буду ль вѣрить имъ?
Но Владычицей вселенной,
Красотой неизреченной,
Я, случайный, бѣдный, тлѣнный,
Можетъ быть, любимъ.

Дни свиданій, дни раздумій
Стерегутъ въ тиши . . .
Ждать ли пламенныхъ безумій
Молодой души?

Иль, застывши въ снѣжномъ храмѣ,
Не открывъ лица,
Встрѣтить брачными дарами
Вѣстниковъ конца?

*

Не поймутъ безскорбные люди
Этихъ масокъ, смѣховъ въ окнѣ!
Ищу на распутьи безлюдій,
Веселій — не надо мнѣ!

О, странно сладки напѣвы . . .
Они кажутся такъ ясны!
А здѣсь уже блѣдныя дѣвы
Уготовали путь весны.

Онѣ знаютъ, что мнѣ невѣдомо,
Но поетъ теперь лишь одна . . .
Я за нею — горящимъ слѣдомъ —
Всю ночь, всю ночь — у окна!

10 февраля

*

Сны безотчетны, ярки краски,
Я не жалѣю блѣдныхъ звѣздъ.
Смотри, какъ солнечныя ласки
Въ лазури нѣжатъ строгій крестъ.

Такъ — этимъ ласкамъ близъ заката
Онъ отдается, какъ и мы,
Затѣмъ, что *солнцу нѣтъ возврата*[1]
Изъ надвигающейся тьмы.

Оно зайдетъ, и, замирая,
Утихнемъ мы, погаснетъ крестъ, —
И вновь очнемся, отступая
Въ спокойный холодъ блѣдныхъ звѣздъ.

*

[1] Для солнца возврата нѣтъ (слова Купавы въ *Снѣгурочкѣ* Островскаго).

Мы живемъ въ старинной кельѣ
У разлива водъ.
Здѣсь весной кипитъ веселье,
И рѣка поетъ.

И въ предвѣстіе веселій,
Въ день весеннихъ бурь
Къ намъ прольется въ двери келій
Свѣтлая лазурь.

И полны завѣтной дрожью
Долгожданныхъ лѣтъ
Мы помчимся къ бездорожью
Въ несказанный свѣтъ.

*

И Духъ, и Невѣста
говорятъ: пріиди.

Вѣрю въ Солнце Завѣта,
Вижу зори вдали.
Жду вселенскаго свѣта
Отъ весенней земли.

Все дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной — къ бездорожью
Золотая межа.

Заповѣданныхъ лилій
Прохожу я лѣса.
Полны ангельскихъ крылій
Надо мной небеса.

Непостижнаго свѣта
Задрожали струи.
Вѣрю въ Солнце Завѣта,
Вижу Очи Твои.

*

Кто-то съ Богомъ шепчется
У святой иконы.
Тайна жизни теплится,
Благовѣстны звоны.
Непорочность просится
Въ двери Духа Божья.
Сердце переносится
Въ дали бездорожья.
Здѣсь — смиренномудрія
Я кладу обѣты.
Въ ризахъ цѣломудрія,
О, святая! гдѣ ты?
Испытаній силою
Истомленный — жду я
Ласковую, милую,
Вѣчно молодую.

*

Мы все простимъ — и не нарушимъ
Покоя дѣвственницъ весны,
Огонь божественный потушимъ,
Прогонимъ ласковые сны.

Нѣтъ мѣры нашему познанью,
Вещественный не вѣченъ храмъ.
Когда мы воздвигали зданье,
Его паденье снилось намъ.

И каждый разъ, входя подъ своды,
Молясь и плача, знали мы:
Здѣсь пронесутся непогоды,
Снѣга улягутся зимы.

*

Мы странствовали съ Нимъ по городамъ.
Изъ оконъ люди сонные смотрѣли.
Я шелъ впередъ; а позади — Онъ Самъ,
Всепроникающій и близкій къ цѣли.
Боялся я моихъ невольныхъ силъ,
Онъ направлялъ мой шагъ завороженный.
Порой прохожій близко проходилъ
И тайно вздрагивалъ, смущенный . . .
Насъ видѣли по чернымъ городамъ,
И, сонные, довѣрчиво смотрѣли:
Я шелъ впередъ; но позади — Онъ Самъ,
Подобный мнѣ. Но — близкій къ цѣли.

*

Тамъ сумерки невнятно трепетали,
Таинственно смѣняя день пустой.
Кто, проходя, души моей скрижали
Заполонилъ упорною мечтой?

Кто, проходя, тревожно кинулъ взоры
На этотъ смутно отходящій день?
Тамъ, въ глубинахъ, — мечты и мысли скоры,
Здѣсь, на землѣ, — какъ сонъ, и свѣтъ и тѣнь.

Но я пойму и все мечтой объемлю,
Отброшу сны, увижу на яву,
Кто тронулъ здѣсь одну со мною землю,
За нимъ въ вечерній сумракъ уплыву.

*

Цѣлый день передо мною,
Молодая, золотая,
Яркимъ солнцемъ залитая,
Шла Ты яркою стезею.

Такъ, сливаясь съ милой, дальной,
Проводилъ я день весенній
И вечерней свѣтлой тѣни
Шелъ навстрѣчу, безпечальный.

Дней блаженныхъ сновидѣнье —
Шла Ты чистою стезею.
О, взойди же предо мною
Не въ одномъ воображеньи!

*

На темномъ порогѣ тайкомъ
Святыя шепчу имена.
Я знаю: мы въ храмѣ вдвоемъ,
Ты думаешь: здѣсь ты одна . . .

Я слушаю вздохи твои
Въ какомъ-то несбыточномъ снѣ . . .
Слова о какой-то любви . . .
И, Боже! мечты обо мнѣ . . .

Но снова кругомъ тишина,
И плачущій голосъ затихъ . . .
И снова шепчу имена
Безумно забытыхъ святыхъ.

Все призракъ — все горе — все ложь!
Дрожу, и молюсь, и шепчу . . .
О, если крылами взмахнешь,
Съ тобой навсегда улечу! . .

*

Я медленно сходилъ съ ума
У двери той, которой жажду.
Весенній день смѣняла тьма,
И только разжигала жажду.

Я плакалъ, страстью утомясь,
Но стоны заглушалъ угрюмо.
Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.

И проникала въ тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и безшумной . . .

*

Гадай и жди. Среди полночи
Въ твоемъ окошкѣ, милый другъ,
Зажгутся дерзостныя очи,
Послышится условный стукъ.

И мимо, задувая свѣчи,
Какъ нѣкій Духъ, закрывъ лицо,
Съ надеждой невозможной встрѣчи
Пройдетъ на милое крыльцо.

*

Весна въ рѣкѣ ломаетъ льдины,
И милыхъ мертвыхъ мнѣ не жаль:
Преодолѣвъ мои вершины,
Забылъ я зимнія тѣснины
И вижу голубую даль.

Что сожалѣть въ дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всечасно жду удара,
Или божественнаго дара
Изъ Моисеева куста!

*

Жизнь медленная шла, какъ старая гадалка,
Таинственно шепча забытыя слова.
Вздыхалъ о чемъ-то я, чего-то было жалко,
Какою-то мечтой горѣла голова.
Остановясь на перекресткѣ, въ полѣ,
Я наблюдалъ зубчатые лѣса.
Но даже здѣсь, подъ игомъ чуждой воли,
Казалось, тяжки были небеса.
И вспомнилъ я сокрытыя причины
Плѣненья думъ, плѣненья юныхъ силъ.
А тамъ, вдали — зубчатыя вершины
День отходящій томно золотилъ . . .
Весна, весна! Скажи, чего мнѣ жалко?
Какой мечтой пылаетъ голова?
Таинственно, какъ старая гадалка,
Мнѣ шепчетъ жизнь забытыя слова.

*

Мой вечеръ близокъ и безволенъ.
Чуть вечерѣютъ небеса, —
Несутся звуки съ колоколенъ,
Крылатыхъ слышу голоса.

Ты — ласковымъ и тонкимъ жаломъ
Мои пытаешь глубины,
Слѣжу прозрѣніемъ усталымъ
За вѣстью чуждой мнѣ весны.

Межъ насъ — случайное волненье.
Случайно сладостный обманъ —
Меня обрекъ на поклоненье,
Тебя призвалъ изъ бѣлыхъ странъ.

И въ безконечномъ отдаленьи
Замрутъ печально голоса,
Когда окутанныя тѣнью
Мои погаснутъ небеса.

*

Кто плачетъ здѣсь? На мирныя ступени
Всходите всѣ — въ открытыя врата.
Тамъ — въ глубинѣ — Марія ждетъ моленій,
Обновлена рожденіемъ Христа.

Скрѣпи свой духъ надеждой высшей доли,
Войди и ты, печальная жена.
Твой милый палъ, но вѣсть въ кровавомъ полѣ,
Вѣсть о Любви — попрежнему ясна.

Здѣсь мѣста нѣтъ побѣдѣ жалкихъ тлѣній,
Здѣсь все — Любовь. Въ открытыя врата
Входите всѣ. Марія ждетъ моленій,
Обновлена рожденіемъ Христа.

*

Слышу колоколъ. Въ полѣ весна.
Ты открыла веселыя окна.
День смѣялся и гасъ. Ты слѣдила одна
Облаковъ розоватыхъ волокна.

Смѣхъ прошелъ по лицу, но замолкъ и исчезъ . . .
Что же мимо прошло и смутило?
Ухожу въ розовѣющій лѣсъ . . .
Ты забудешь меня, какъ простила.

*

Странныхъ и новыхъ ищу на страницахъ
Старыхъ испытанныхъ книгъ,
Грежу о бѣлыхъ исчезнувшихъ птицахъ,
Чую оторванный мигъ.

Жизнью шумящей нестройно взволнованъ,
Шопотомъ, крикомъ смущенъ,
Бѣлой мечтой неподвижно прикованъ
Къ берегу позднихъ временъ.

Бѣлая Ты, въ глубинахъ несмутима,
Въ жизни — строга и гнѣвна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дѣва, Заря, Купина.

Блекнутъ ланиты у дѣвъ златокудрыхъ,
Зори не вѣчны, какъ сны.
Терны вѣнчаютъ смиренныхъ и мудрыхъ
Бѣлымъ огнемъ Купины.

*

Днемъ вершу я дѣла суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безъисходно туманная — ты
Предо мной затѣваешь игру.

Я люблю эту ложь, этотъ блескъ,
Твой манящій дѣвичій нарядъ,
Вѣчный гомонъ и уличный трескъ,
Фонарей убѣгающій рядъ.

Я люблю, и любуюсь, и жду
Переливчатыхъ красокъ и словъ.
Подойду и опять отойду
Въ глубины протекающихъ сновъ.

Какъ ты лжива и какъ ты бѣла!
Мнѣ же по сердцу бѣлая ложь . . .
Завершая дневныя дѣла,
Знаю — вечеромъ снова придешь.

*

Люблю высокіе соборы,
Душой смиряясь, посѣщать,
Входить на сумрачные хоры,
Въ толпѣ поющихъ исчезать.
Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образъ дьявольскій и дикій
Въ сію священную броню.
Въ своей молитвѣ суевѣрной
Ищу защиты у Христа,
Но изъ-подъ маски лицемѣрной
Смѣются лживыя уста.
И тихо, съ измѣненнымъ ликомъ,
Въ мерцаньи мертвенномъ свѣчей,
Бужу я память о Двуликомъ
Въ сердцахъ молящихся людей.
Вотъ — содрогнулись, смолкли хоры,
Въ смятеньи бросились бѣжать . . .
Люблю высокіе соборы,
Душой смиряясь, посѣщать.

*

Мы отошли и стали у кормила,
Гдѣ мимо шли сребристыя струи.
И наблюдали вздутое вѣтрило,
И вечеръ дня, и линіи твои.

Теряясь въ мглѣ, ты вѣтромъ управляла,
Безстрашная, на водной быстринѣ.
Ты, какъ заря, невнятно догорала
Въ его душѣ — и пѣла обо мнѣ.

И каждый звукъ — короткій и протяжный —
Я измѣрялъ, блаженный, у руля.
А онъ смотрѣлъ, задумчивый и важный,
Какъ вдалекѣ туманилась земля . . .

*

Я — тварь дрожащая. Лучами
Озарены, коснѣютъ сны.
Передъ Твоими глубинами
Мои ничтожны глубины.
Не знаешь Ты, какія цѣли
Таишь въ глубинахъ Розъ Твоихъ,
Какіе Ангелы слетѣли,
Кто у преддверія затихъ . . .
Въ Тебѣ таятся въ ожиданьи
Великій свѣтъ и злая тьма —
Разгадка всякаго познанья
И бредъ великаго ума.

*

Тамъ — въ улицѣ стоялъ какой-то домъ,
И лѣстница крутая въ тьму водила.
Тамъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ выбѣгалъ, — и снова тьма бродила.

Тамъ въ сумеркахъ бѣлѣлъ дверной навѣсъ
Подъ вывѣской «Цвѣты», прикрѣпленъ болтомъ.
Тамъ гулъ шаговъ терялся и исчезъ
На лѣстницѣ — при свѣтѣ лампы желтомъ.

Тамъ наверху окно смотрѣло внизъ,
Завѣшанное неподвижной шторой,
И, словно лобъ наморщенный, карнизъ
Гримасу придавалъ стѣнѣ — и взоры . . .

Тамъ, въ сумеркахъ, дрожалъ въ окошкахъ свѣтъ,
И было пѣнье, музыка и танцы.
А съ улицы — ни словъ, ни звуковъ нѣтъ, —
И только стеколъ выступали глянцы.

По лѣстницѣ надъ сумрачнымъ дворомъ
Мелькала тѣнь, и лампа чуть свѣтила.
Вдругъ открывалась дверь, звеня стекломъ,
Свѣтъ набѣгалъ, и снова тьма бродила.

*

Тебя скрывали туманы,
И самый голосъ былъ слабъ.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный рабъ.

Тебя вѣнчала корона
Еще разсвѣтныхъ причудъ.
Я помню ступени трона
И первый твой строгій судъ.

Какія блѣдныя платья!
Какая странная тишь!
И лилій полны объятья,
И ты безъ мысли глядишь . . .

Кто знаетъ, гдѣ это было?
Куда упала Звѣзда?
Какія слова говорила,
Говорила-ли ты тогда?

Но развѣ могъ не узнать я
Бѣлый рѣчной цвѣтокъ
И эти блѣдныя платья,
И странный, бѣлый намекъ?

*

Мы встрѣчались съ тобой на закатѣ.
Ты весломъ разсѣкала заливъ.
Я любилъ твое бѣлое платье,
Утонченность мечты разлюбивъ.

Были странны безмолвныя встрѣчи.
Впереди — на песчаной косѣ
Загорались вечернія свѣчи.
Кто-то думалъ о блѣдной красѣ.

Приближеній, сближеній, сгараній —
Не пріемлетъ лазурная тишь . . .
Мы встрѣчались въ вечернемъ туманѣ,
Гдѣ у берега рябь и камышъ.

Ни тоски, ни любви, ни обмана.
Все померкло, прошло, отошло . . .
Очертаніе бѣлаго стана
И твое золотое весло.

*

Когда святого забвенія
Кругомъ недвижная тишь, —
Ты смотришь въ тихомъ томленіи,
Рѣчной раздвинувъ камышъ.

Я эти травы зеленыя
Люблю и въ сонные дни.
Не въ нихъ-ли мои потаенные,
Мои золотые огни?

Ты смотришь — тихая, строгая,
Въ глаза прошедшей мечтѣ.
Избралъ иную дорогу я, —
Иду, — и пѣсни не тѣ . . .

Вотъ скоро вечеръ придвинется,
И ночь — навстрѣчу судьбѣ:
Тогда мой путь опрокинется,
И я возвращусь къ Тебѣ.

*

Брожу въ стѣнахъ монастыря,
Безрадостный и темный инокъ.
Чуть брежжитъ блѣдная заря, —
Слѣжу мельканія снѣжинокъ.

Ахъ, ночь длинна, заря блѣдна
На нашемъ сѣверѣ угрюмомъ.
У занесеннаго окна
Упорнымъ предаются думамъ.

Одинъ и тотъ же снѣгъ — бѣлѣй
Нетронутой и вѣчной ризы.
И вѣчно блѣдный воскъ свѣчей,
И убѣленные карнизы.

Мнѣ страненъ холодъ здѣшнихъ стѣнъ
И непонятна жизни бѣдность.
Меня пугаетъ сонный плѣнъ
И братій мертвенная блѣдность.

Заря блѣдна и ночь долга,
Какъ рядъ заутренъ и обѣденъ.
Ахъ, самъ я блѣденъ, какъ снѣга,
Въ упорной думѣ сердцемъ бѣденъ . . .

*

На ржавыхъ петляхъ открываю ставни,
Вдыхаю сладко первыя струи.
Съ горы спустился весь туманъ недавній
И, бѣлый, обнялъ пажити мои.

Тамъ разсвѣло, но солнце не всходило.
Я ожиданье чувствую вокругъ.
Спи безъ тревогъ. Тебя не разбудила
Моя мечта, мой безмятежный другъ.

Я бодрствую, задумчивый мечтатель:
У изголовья, въ тайной ворожбѣ,
Твои черты, философъ и ваятель,
Изображу и передамъ тебѣ.

Когда-нибудь въ минуту восхищенья
Съ нимъ заодно и на закатѣ дня,
Даря ему свое изображенье,
Ты скажешь вскользь:
— Какъ онъ любилъ меня! . . .

*

НА СМЕРТЬ ДѢДА

(1 іюля 1902 г.)

Мы вмѣстѣ ждали смерти или сна.
Томительные проходили миги.
Вдругъ вѣтеркомъ пахнуло отъ окна,
Зашевелился листъ Священной Книги.

Тамъ старецъ шелъ — уже, какъ лунь, сѣдой —
Походкой бодрою, съ веселыми глазами,
Смѣялся намъ, и все манилъ рукой,
И уходилъ знакомыми шагами.

И вдругъ мы всѣ, кто былъ, — и старъ и младъ —
Узнали въ немъ того, кто передъ нами,
И, обернувшись съ трепетомъ назадъ,
Застали прахъ съ закрытыми глазами . . .

Но было сладко душу услѣдить
И въ отходящей увидать веселье.
Пришелъ нашъ часъ — запомнить и любить,
И праздновать иное новоселье.

с. Шахматово

*

Не бойся умереть въ пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словамъ церковной службы,
Чтобъ грани страха перейти.

Она сама къ тебѣ сойдетъ.
Уже не будешь въ рабствѣ тлѣнномъ
Манить смѣющійся восходъ
Въ обличьи бѣдномъ и смиренномъ.

Она и ты — одинъ законъ,
Одно велѣнье Высшей Воли.
Ты не на вѣки обреченъ
Отчаянной и смертной боли.

*

Я, отрокъ, зажигаю свѣчи,
Огонь кадильный берегу.
Она безъ мысли и безъ рѣчи
На томъ смѣется берегу.

Люблю вечернее моленье
У бѣлой церкви надъ рѣкой,
Передзакатное селенье
И сумракъ мутно-голубой.

Покорный ласковому взгляду,
Любуюсь тайной красоты,
И за церковную ограду
Бросаю бѣлые цвѣты.

Падетъ туманная завѣса.
Женихъ сойдетъ изъ алтаря.
И отъ вершинъ зубчатыхъ лѣса
Забрежжитъ брачная заря.

*

Говорили короткія рѣчи,
Къ ночи ждали странныхъ вѣстей.
Никто не вышелъ навстрѣчу.
Я стоялъ одинъ у дверей.

Подходили многіе къ дому,
Крича и плача навзрыдъ.
Всѣ были мнѣ незнакомы,
И меня не трогалъ ихъ видъ.

Всѣ ждали какой-то вѣсти.
Изъ отрывковъ словъ я узналъ
Сумасшедшій бредъ о невѣстѣ,
О томъ, что кто-то бѣжалъ.

И, всходя на холмикъ за садомъ,
Всѣ смотрѣли въ синюю даль.
И каждый притворнымъ взглядомъ
Показать старался печаль.

Я одинъ не ушелъ отъ двери
И не смѣлъ войти и спросить.
Было сладко знать о потерѣ,
Но смѣшно о ней говорить.

Такъ стоялъ одинъ — безъ тревоги.
Смотрѣлъ на горы вдали.
А тамъ — на крутой дорогѣ —
Ужъ клубилось въ красной пыли.

*

Сбѣжалъ съ горы и замеръ въ чащѣ.
Кругомъ мелькаютъ фонари . . .
Какъ бьется сердце — злѣй и чаще! . . .
Меня проищутъ до зари.

Огонь болотный имъ невѣдомъ.
Мои глаза — глаза совы.
Пускай бѣгутъ за мною слѣдомъ
Среди запутанной травы.

Мое болото ихъ затянетъ,
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянетъ
Мой бѣлый призракъ имъ въ лицо.

*

Ужасенъ холодъ вечеровъ,
Ихъ вѣтеръ, бьющійся въ тревогѣ,
Несуществующихъ шаговъ
Тревожный шорохъ на дорогѣ.

Холодная черта зари,
Какъ память близкаго недуга
И вѣрный знакъ, что мы внутри
Неразмыкаемаго круга.

*

За темной далью городской
Терялся бѣлый ледъ.
Я подружился съ темнотой,
Замедлилъ быстрый ходъ.

Ревѣло съ черной высоты
И приносило снѣгъ.
Навстрѣчу мнѣ изъ темноты
Поднялся человѣкъ.

Съ лицомъ, закрытымъ отъ меня,
Онъ быстро шелъ впередъ
Туда, гдѣ не было огня
И гдѣ кончался ледъ.

Онъ обернулся — встрѣтилъ я
Одинъ горящій глазъ.
Потомъ сомкнулась полынья —
Его огонь погасъ.

Слилось морозное кольцо
Въ спокойный струйный бѣгъ.
Зардѣлось нѣжное лицо,
Вздохнулъ холодный снѣгъ.

И я не зналъ, когда и гдѣ
Явился и исчезъ —
Какъ опрокинулся въ водѣ
Лазурный сонъ небесъ.

*

Свѣтъ въ окошкѣ шатался,
Въ полумракѣ — одинъ —
У подъѣзда шептался
Съ темнотой арлекинъ.

Былъ окутанный мглою
Бѣло-красный нарядъ.
Наверху — за стѣною —
Шутовской маскарадъ.

Тамъ лицо укрывали
Въ разноцвѣтную ложь.
Но въ рукѣ узнавали
Неизбѣжную дрожь.

Онъ — мечомъ деревяннымъ
Начерталъ письмена.
Восхищенная страннымъ,
Потуплялась *она*.

Восхищенью не вѣря,
Съ темнотою — одинъ —
У задумчивой двери
Хохоталъ арлекинъ.

*

Онъ ждетъ меня. Рѣдѣютъ тѣни,
Яснѣе, ближе сонъ конца.
Онъ спряталъ голову въ колѣни
И не покажетъ мнѣ лица.

Но въ день послѣдній, въ часъ бездонный,
Нарушивъ всяческій законъ,
Онъ встанетъ, призракъ беззаконный,
Зеркальной гладью отраженъ.

И въ этотъ часъ въ пустыя сѣни
Войдетъ подобіе лица,
И будетъ въ зеркалѣ безъ тѣни
Изображенье Пришлеца.

*

Золотистою долиной
Ты уходишь, нѣмъ и дикъ.
Таетъ въ небѣ журавлиный
Удаляющійся крикъ.

Замеръ, кажется, въ зенитѣ
Грустный голосъ, долгій звукъ.
Безконечно тянетъ нити
Торжествующій паукъ.

Сквозь прозрачныя волокна
Солнце, свѣта не тая,
Праздно бьетъ въ слѣпыя окна
Опустѣлаго жилья.

*

Безъ Меня бъ твои сны улетали
Въ безжеланно — туманную высь,
Ты воспомни вечернія дали,
Въ тихій теремъ, дитя, постучись.

Я живу надъ зубчатой землею,
Вечерѣю въ Моемъ терему.
Приходи, Я тебя успокою,
Милый, милый, тебя обниму.

Отошла Я въ снѣга безъ возврата,
Но, холодные вихри крутя,
На чертѣ огневого заката
Начертала Я Имя, дитя.

*

Я вышелъ въ ночь — узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Дорога, подъ луной бѣла,
Казалось, полнилась шагами.
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.

И слушалъ я — и услыхалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.

Но здѣсь, и дальше — ровный звукъ,
И сердце медленно боролось,
О, какъ понять, откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?

И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется . . .
И стало ясно, кто молчитъ
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь — узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

*

Безрадостныя всходятъ сѣмена.
Холодный вѣтеръ бьется въ голыхъ прутьяхъ.
Въ моей душѣ открылись письмена.
Я ихъ таю — въ сѐленьяхъ, на распутьяхъ . .
И крадусь я, какъ тѣнь, у лунныхъ стѣнъ.
Мѣняются, темнѣютъ, глохнутъ стѣны,
Мнѣ сладостно отъ всякихъ перемѣнъ,
Мнѣ каждый день рождаетъ перемѣны.
О, какъ я живъ, какъ бьетъ ключами кровь!
Я здѣсь родной съ подземными ключами!
Мгновенья тайнъ! Ты, вѣчная любовь!
Я понялъ васъ! Я съ вами! Я за вами!
Растетъ, растетъ великая стѣна.
Холодный вѣтеръ бьется въ голыхъ прутьяхъ . . .
Я васъ открылъ, святыя письмена.
Я васъ храню съ улыбкой на распутьяхъ.

*

Въ городѣ колоколъ бился,
Позднія славя мечты.
Я отошелъ и молился
Тамъ, гдѣ провидѣлась Ты.

Слушая зовъ иновѣрца,
Поздними днями дыша,
Билось попрежнему сердце,
Не измѣнялась душа.

Все отошло, измѣнило,
Шепчетъ про душу мою . . .
Ты лишь Одна сохранила
Древнюю Тайну Свою.

*

Я просыпался и всходилъ
Къ окну на темныя ступени.
Морозный мѣсяцъ серебрилъ
Мои затихнувшія сѣни.

Давно ужъ не было вѣстей,
Но городъ приносилъ мнѣ звуки,
И каждый день я ждалъ гостей
И слушалъ шорохи и стуки.

И въ полночь вздрагивалъ не разъ,
И, пробуждаемый шагами,
Всходилъ къ окну — и видѣлъ газъ,
Мерцавшій въ улицахъ цѣпями.

Сегодня жду моихъ гостей
И дрогну, и сжимаю руки.
Давно мнѣ не было вѣстей,
Но были шорохи и стуки.

*

ЭККЛЕСІАСТЪ

Благословляя свѣтъ и тѣнь
И веселясь игрою лирной,
Смотри туда — въ хаосъ безмірный,
Куда склоняется твой день.

Цѣла серебряная цѣпь,
Твои наполнены кувшины,
Миндаль цвѣтетъ на днѣ долины,
И влажнымъ зноемъ дышитъ степь.

Идешь ты къ дому на горахъ,
Полдневнымъ солнцемъ залитая;
Идешь — повязка золотая
Въ смолистыхъ тонетъ волосахъ.

Зачахли каперса цвѣты,
И вотъ — кузнечикъ тяжелѣетъ,
И на дорогѣ ужасъ вѣетъ,
И помрачились высоты.

Молоть устали жернова.
Бѣгутъ испуганные стражи,
И всѣхъ объемлетъ призракъ вражій,
И долу гнутся дерева.

Все дикимъ страхомъ смятено.
Столпились въ кучу люди, звѣри.
И тщетно замыкаютъ двери
Досель смотрѣвшіе въ окно.

*

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Слѣдилъ за ней, на все готовый.

Я зналъ часы, когда сойдетъ
Она — и съ нею отблескъ шаткій.
И, какъ злодѣй, за поворотъ
Бѣжалъ за ней, играя въ прятки.

Мелькали желтые огни
И электрическія свѣчи.
И онъ встрѣчалъ ее въ тѣни,
А я слѣдилъ и пѣлъ ихъ встрѣчи.

Когда, внезапно смущены,
Они предчувствовали что-то,
Меня скрывали въ глубины
Слѣпыя темныя ворота.

И я, невидимый для всѣхъ,
Слѣдилъ мужчины профиль грубый,
Ея сребристо-черный мѣхъ
И что-то шепчущія губы.

*

Былъ вечеръ поздній и багровый,
Звѣзда — предвѣстница взошла.
Надъ бездной плакалъ голосъ новый —
Младенца дѣва родила.

На голосъ тонкій и протяжный,
Какъ долгій визгъ веретена,
Пошли въ смятеньи старецъ важный,
И царь, и отрокъ, и жена.

И было знаменье и чудо:
Въ невозмутимой тишинѣ
Среди толпы возникъ Іуда
Въ холодной маскѣ, на конѣ.

Владыки, полные заботы,
Послали вѣсть во всѣ концы,
И на губахъ Искаріота
Улыбку видѣли гонцы.

*

СТАРИКЪ

Подъ старость лѣтъ, забывъ святое,
Сухимъ вниманьемъ я живу.
Когда-то — тамъ — насъ было двое,
Но то во снѣ — не наяву.

Смотрю на блѣдный цвѣтъ осеннiй,
О чемъ-то память шепчетъ мнѣ . . .
Но развѣ можно вѣрить тѣни,
Мелькнувшей въ юношескомъ снѣ?

Все это было, или мнилось?
Въ часы забвенья старыхъ ранъ
Мнѣ иногда подолгу снилась
Мечта, ушедшая въ туманъ.

Но глупымъ сказкамъ я не вѣрю,
Больной, подъ игомъ сѣдины.
Пускай другой отыщетъ двери,
Какiя мнѣ не суждены.

*

О легендахъ, о сказкахъ, о тайнахъ.
Былъ Одинъ Всепобѣдный Христосъ.
На пустыняхъ, на думахъ случайныхъ
Начертался и вихри пронесъ.

Мы терзались, стирались вѣками,
Закаляли желѣзомъ сердца,
Утомленные, вновь вспоминали
Непостижную тайну Отца.

И предъ нимъ распростертые долу
Замираемъ на тонкой чертѣ:
Не понять Золотого Глагола
Изнуренной желѣзомъ мечтѣ.

*

Явился онъ на стройномъ балѣ
Въ блестяще сомкнутомъ кругу.
Огни зловѣщіе мигали,
И взоръ описывалъ дугу.

Всю ночь кружились въ шумномъ танцѣ,
Всю ночь у стѣнъ сжимался кругъ.
И на зарѣ — въ оконномъ глянцѣ
Безшумный появился другъ.

Онъ всталъ и поднялъ взоръ совиный,
И смотритъ — пристальный — одинъ,
Куда за блѣдной Коломбиной
Бѣжалъ звенящій Арлекинъ.

А тамъ — въ углу — подъ образами,
Въ толпѣ, мятущейся пестро,
Вращая дѣтскими глазами,
Дрожитъ обманутый Пьеро.

*

Свобода смотритъ въ синеву.
Окно открыто. Воздухъ рѣзокъ.
За желто-красную листву
Уходитъ мѣсяца отрѣзокъ.

Онъ скоро будетъ — свѣтлый серпъ,
Сверкающій на жатвѣ ночи.
Его закатъ, его ущербъ
Въ послѣдній разъ ласкаетъ очи.

Какъ и тогда, звенитъ окно.
Но голосъ мой, какъ воздухъ свѣжій,
Пропѣлъ давно, замолкъ давно
Подъ тростникомъ у прибережій,

Какъ блѣденъ мѣсяцъ въ синевѣ,
Какъ золотится тонкій волосъ . . .
Какъ тамъ качается въ листвѣ
Забытый, блеклый, мертвый колосъ . . .

*

Любилъ я нѣжныя слова.
Искалъ таинственныхъ соцвѣтій.
И, прозрѣвающій едва,
Еще шумѣлъ, какъ въ играхъ дѣти.

Но, выходя подъ утро въ лугъ,
Твердя невнятные напѣвы,
Я зналъ Тебя, мой вѣчный другъ,
Тебя, Хранительница — Дѣва.

Я зналъ, задумчивый поэтъ,
Что ни одинъ не вѣдалъ геній
Такой свободы, какъ обѣтъ
Моихъ невольничьихъ Служеній.

*

Безмолвный призракъ въ терему,
Я — черный рабъ проклятой крови.
Я соблюдаю полутьму
Въ Ея нетронутомъ альковѣ.

Я стерегу Ея ключи
И съ Ней присутствую, незримый,
Когда скрещаются мечи
За красоту Недостижимой.

Мой голосъ глухъ, мой волосъ сѣдъ.
Черты до ужаса недвижны.
Со мной всю жизнь — одинъ Завѣтъ:
Завѣтъ служенья Непостижной.

*

Вхожу я въ темные храмы,
Совершаю бѣдный обрядъ.
Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ мерцаньи красныхъ лампадъ.

Въ тѣни у высокой колонны
Дрожу отъ скрипа дверей.
А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный,
Только образъ, лишь сонъ о Ней.

О, я привыкъ къ этимъ ризамъ
Величавой Вѣчной Жены!
Высоко бѣгутъ по карнизамъ
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, какъ ласковы свѣчи,
Какъ отрадны Твои черты!
Мнѣ не слышны ни вздохи, ни рѣчи,
Но я вѣрю: милая — Ты.

*

Ты свята, но я Тебѣ не вѣрю,
И давно все знаю напередъ:
Будетъ день, и распахнутся двери,
Вереница бѣлая пройдетъ.

Будутъ страшны, будутъ несказанны
Неземныя маски лицъ . . .
Буду я взывать къ Тебѣ: Осанна!
Сумасшедшій, распростертый ницъ.

И тогда, поднявшись выше тлѣна,
Ты откроешь Лучезарный Ликъ.
И, свободный отъ земного плѣна,
Я пролью всю жизнь въ послѣдній крикъ.

*

Будетъ день, словно мигъ веселья.
Мы забудемъ всѣ имена.
Ты сама придешь въ мою келью
И разбудишь меня отъ сна.

По лицу, объятому дрожью,
Угадаешь думы мои.
Но все прежнее станетъ ложью,
Чуть займутся Лучи Твои.

Какъ тогда, съ безгласной улыбкой
Ты прочтешь на моемъ челѣ
О любви невѣрной и зыбкой,
О любви, что цвѣла на землѣ.

Но тогда — величавѣй и краше,
Безъ сомнѣній и думъ приму
И до дна исчерпаю чашу,
Сопричастный Дню Твоему.

*

Его встрѣчали повсюду
На улицахъ въ сонные дни.
Онъ шелъ и несъ свое чудо,
Спотыкаясь въ морозной тѣни.

Входилъ въ свою тихую келью,
Зажигалъ послѣднiй свѣтъ,
Ставилъ лампаду веселью
И пышный лилiй букетъ.

Ему дивились со смѣхомъ,
Говорили, что онъ чудакъ.
Онъ думалъ о шубкѣ съ мѣхомъ
И опять скрывался во мракъ.

Однажды его проводили,
Онъ веселъ и счастливъ былъ,
А утромъ въ гробъ уложили,
И священникъ тихо служилъ.

*

Разгораются тайные знаки
На глухой, непробудной стѣнѣ.
Золотые и красные маки
Надо мной тяготѣютъ во снѣ.

Укрываюсь въ ночныя пещеры
И не помню суровыхъ чудесъ.
На зарѣ — голубыя химеры
Смотрятъ въ зеркалѣ яркихъ небесъ.

Убѣгаю въ прошедшіе миги,
Закрываю отъ страха глаза,
На листахъ холодѣющей книги —
Золотая дѣвичья коса.

Надо мной небосводъ уже низокъ,
Черный сонъ тяготѣетъ въ груди.
Мой конецъ предначертанный близокъ,
И война, и пожаръ — впереди.

*

Мнѣ страшно съ Тобой встрѣчаться.
Страшнѣе Тебя не встрѣчать.
Я сталъ всему удивляться,
На всемъ уловилъ печать.

По улицѣ ходятъ тѣни,
Не пойму — живутъ, или спятъ.
Прильнувъ къ церковной ступени,
Боюсь оглянуться назадъ.

Кладутъ мнѣ на плечи руки,
Но я не помню именъ.
Въ ушахъ раздаются звуки
Недавнихъ большихъ похоронъ.

А хмурое небо низко —
Покрыло и самый храмъ.
Я знаю: Ты здѣсь. Ты близко.
Тебя здѣсь нѣтъ. Ты — тамъ.

*

Я ихъ хранилъ въ придѣлѣ Іоанна,
Недвижный стражъ, — хранилъ огонь лампадъ.

И вотъ — Она, и къ Ней — моя Осанна —
Вѣнецъ трудовъ — превыше всѣхъ наградъ.

Я скрылъ лицо и проходили годы.
Я пребывалъ въ Служеньи много лѣтъ.

И вотъ зажглись лучемъ вечернимъ своды,
Она дала мнѣ Царственный Отвѣтъ.

Я здѣсь одинъ хранилъ и теплилъ свѣчи.
Одинъ — пророкъ — дрожалъ въ дыму кадилъ

И въ оный День — одинъ участникъ встрѣчи —
Я этихъ встрѣчъ ни съ кѣмъ не раздѣлилъ.

8 ноября 1902

*

РАСПУТЬЯ

(1902 — 1904)

Стою у власти, душой одинокъ,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цвѣтокъ,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко къ моей груди,
Ты печальна, мой вешній цвѣтъ.
Здѣсь сердце близко, но тамъ впереди
Разгадки для жизни нѣтъ.

И, многовластный, числю, какъ встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Какъ съ жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

*

Несбыточное грезится опять.
Фетъ

Потемнѣли ольховыя вѣтки,
За рѣкой огонекъ замигалъ.
Сквозь туманъ чародѣйный и рѣдкій
Невидимкой табунъ проскакалъ.

Я печальными ѣду полями,
Повторяю печальный напѣвъ.
Невозможные сны за плечами
Исчезаютъ, душой овладѣвъ.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое въ думахъ моихъ.
И качаются сѣрыя сучья,
Словно руки и лица у нихъ.

*

Я надѣлъ разноцвѣтныя перья,
Закалилъ мои крылья — и жду.
Надо мной, подо мной — недовѣрье,
Расплывается сумракъ — я жду.

Вотъ сидятъ, погружаясь въ дремоту,
Птицы, спутники прежнихъ годовъ.
Все забыли, не вѣрятъ полету
И не видятъ, на что я готовъ.

Эти бѣдныя, сонныя птицы —
Не взлетятъ онѣ стаей съ утра,
Не замѣтятъ мерцанья денницы,
Не поймутъ восклицанья: Пора!

Но сверкнутъ мои бѣлыя крылья,
И сомкнутся, сожмутся они,
Удрученные снами безсилья,
Засыпая на долгіе дни.

*

ПѢСНЯ ОФЕЛІИ

Онъ вчера нашепталъ мнѣ много,
Нашепталъ мнѣ страшное, страшное . . .
Онъ ушелъ печальной дорогой,
  А я забыла вчерашнее —
    забыла вчерашнее.

Вчера это было — давно ли?
Отчего онъ такой молчаливый?
Я не нашла моихъ лилій въ полѣ,
  Я не искала плакучей ивы —
    плакучей ивы.

Ахъ, давно ли! Со мною, со мною
Говорили — и меня цѣловали . . .
И не помню, не помню — скрою,
  О чемъ берега шептали —
    берега шептали.

Я видѣла въ каждой былинкѣ
Дорогое лицо его страшное . . .
Онъ ушелъ по той же тропинкѣ,
  Куда уходило вчерашнее —
    уходило вчерашнее . . .

Я одна пріютилась въ полѣ,
И не стало больше печали.
Вчера это было — давно ли?
  Со мной говорили, и меня цѣловали —
    меня цѣловали.

*

Я, изнуренный и премудрый,
Возставъ отъ тягостнаго сна,
Передъ Тобою, Златокудрой,
Склоняю долу знамена.

Конецъ всевѣдущей гордынѣ. —
Прошедшій сумракъ разлюбя,
Навѣки преданный Святынѣ,
Во всемъ послушаюсь Тебя.

Зима пройдетъ — въ пѣвучей вьюгѣ
Уже звенитъ издалека.
Сомкнулись царственныя дуги,
Душа блаженна, Ты близка.

*

ГОЛОСЪ

Ты обманутъ неизвѣстнымъ:
За священныя мечты
Невозможно безтѣлеснымъ
Открывать свои черты.

Углубись еще безстрастнѣй
Въ сумракъ духа своего:
Ты поймешь, что я прекраснѣй
Привидѣнья твоего.

*

Я буду факелъ мой блюсти
У входа въ душный садъ.
Ты будешь цвѣтъ и листъ плести
Высоко вдоль оградъ.

Цвѣтокъ — звѣзда въ слезахъ росы
Сбѣжитъ ко мнѣ съ высотъ.
Я буду стражъ его красы —
Безмолвный звѣздочетъ.

Но въ страстный часъ стѣна низка,
Запретный цвѣтъ любимъ.
По слѣду перваго цвѣтка
Откроешь путь другимъ.

Ручей цвѣтистый потечетъ —
И нѣтъ числа звѣздамъ.
И я забуду строгій счетъ
Влекущимся цвѣтамъ.

*

Мы всюду. Мы нигдѣ. Идемъ,
И зимній вѣтеръ намъ навстрѣчу.
Въ церквахъ и въ сумерки, и днемъ
Поетъ и задуваетъ свѣчи.

И часто кажется — вдали,
У темныхъ стѣнъ, у поворота,
Гдѣ мы пропѣли и прошли,
Еще поетъ и ходитъ Кто-то.

На вѣтеръ зимній я гляжу:
Боюсь понять и углубиться.
Блѣднѣю. Жду. Но не скажу,
Кому пора пошевелиться.

Я знаю все. Но мы — вдвоемъ.
Теперь не можетъ быть и рѣчи,
Что не одни мы здѣсь идемъ,
Что Кто-то задуваетъ свѣчи.

*

Андрею Бѣлому

Я смотрѣлъ на слѣпое людское строеніе,
Подъ крышей медленно зажигалось окно.
Кто-то сверху услыхалъ приближеніе
И думалъ о томъ, что было давно.

Занавѣски шевелились и падали.
Поднимались отъ невидимой руки.
На лѣстницѣ тѣни прядали.
И осторожные начинались звонки.

Еще никто не вошелъ на лѣстницу,
А ужъ заслышали счетъ ступень.
И вездѣ проснулись, кричали, поджидая вѣстницу,
И сѣдыя головы наклонялись въ тѣнь.

Думали: за утромъ наступитъ день.

Выше всѣхъ кричащихъ и всклокоченныхъ
Подъ крышей медленно загоралось окно.
Тамъ кто-то на счетахъ позолоченныхъ
Сосчиталъ, что никому не дано.

И понялъ, что будетъ темно.

*

Царица смотрѣла заставки —
Буквы изъ красной позолоты.
Зажигала красныя лампадки,
Молилась Богородицѣ кроткой.

Протекали надъ книгой Глубинной
Синія ночи царицы.
А къ Царевнѣ съ вышки голубиной
Прилетали бѣлыя птицы.

Разсыпала Царевна зерна,
И плескались бѣлыя перья.
Голуби ворковали покорно
Въ терему — подъ узорчатой дверью.

Царевна румянѣй царицы —
Царицы, ищущей смысла.
Въ книгѣ на каждой страницѣ
Золотыя да красныя числа.

Отворилось облако высоко,
И упала Голубиная книга.
А къ царевнѣ изъ лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Царевнѣ такъ томно и сладко —
Царевна-Невѣста, что лампадка.
У царицы синія загадки —
Золотыя да красныя заставки.

Поклонись, царица, Царевнѣ,
Царевнѣ золотокудрой:
Отъ твоей глубинности древней —
Голубиной кротости мудрой.

Ты сильна, царица, глубинностью,
Въ твоей книгѣ раззолочены страницы.
А Невѣста одной невинностью
Твои числа замолитъ, царица.

*

Вотъ она — въ налетѣвшей волнѣ
Распылалась послѣднею местью,
Въ камышахъ пробѣжала на днѣ
Догорающей красною вѣстью.

Но напрасенъ манящій нарядъ;
Полюбуйся на свѣтлыя латы:
На кормѣ неподвижно стоятъ
Обращенные грудью къ закату.

Ты не видишь спокойныхъ твердынь,
Намъ не страшны твои непогоды.
Догорающій факелъ закинь
Въ безмятежныя, синія воды.

*

Всѣ кричали у круглыхъ столовъ,
Безпокойно мѣняя мѣсто.
Было тускло отъ винныхъ паровъ.
Вдругъ кто-то вошелъ — и сквозь гулъ голосовъ
Сказалъ: — Вотъ моя невѣста.

Никто не слыхалъ ничего.
Всѣ визжали неистово, какъ звѣри.
А одинъ, самъ не зная отчего, —
Качался и хохоталъ, указывая на него
И на дѣвушку, вошедшую въ двери.

Она уронила платокъ,
И всѣ они, въ злобномъ усильи,
Какъ-будто понявъ зловѣщій намекъ,
Разорвали съ визгомъ каждый клочокъ
И окрасили кровью и пылью.

Когда всѣ опять подошли къ столу,
Притихли и сѣли на мѣсто,
Онъ указалъ имъ на дѣвушку въ углу
И звонко сказалъ, пронизывая мглу:
— Господа! Вотъ моя невѣста.

И вдругъ тотъ, кто качался и хохоталъ,
Безсмысленно протягивая руки,
Прижался къ столу, задрожалъ, —
И тѣ, кто прежде безумно кричалъ,
Услышали плачущіе звуки.

*

Покраснѣли и гаснутъ ступени.
Ты сказала сама: — Приду.
У входа въ сумракъ моленій
Я открылъ мое сердце. — Жду.

Что скажу я тебѣ — не знаю.
Можетъ-быть, отъ счастья умру.
Но огнемъ вечернимъ сгарая,
Привлеку и тебя къ костру.

Расцвѣтаетъ красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Надъ храмомъ, надъ нами —
Беззакатная глубь и высь.

*

Я искалъ голубую дорогу
И кричалъ, оглушенный людьми.
Подходя къ золотому порогу,
Затихалъ предъ Твоими дверьми.

Проходила Ты въ дальнія залы,
Величава, тиха и строга.
Я носилъ за Тобой покрывало
И смотрѣлъ на Твои жемчуга.

*

Она ждала и билась въ смертной мукѣ.
Уже маня, какъ зовъ издалека,
Туманныя протягивались руки,
И къ нимъ влеклась невѣрная рука.

И вдругъ дохнулъ весенній вѣтеръ сонный,
Задулъ свѣчу, настала тишина,
И голосъ важный, голосъ благосклонный
Запѣлъ вверху, какъ тонкая струна.

*

Запѣвающій сонъ, зацвѣтающій цвѣтъ,
Исчезающій день, погасающій свѣтъ.

Открывая окно, увидалъ я сирень.
Это было весной — въ улетающій день.

Раздышались цвѣты — и на темный карнизъ
Передвинулись тѣни ликующихъ ризъ.

Задыхалась тоска, занималась душа,
Распахнулъ я окно, трепеща и дрожа.

И не помню — откуда дохнула въ лицо,
Запѣвая, сгарая, взошла на крыльцо.

*

Андрею Бѣлому

Цѣлый годъ не дрожало окно,
Не звенѣла тяжелая дверь;
Все забылось — забылось давно,
И она отворилась теперь.

Суетились, поспѣшно крестясь . . .
Выносили серебряный гробъ . . .
И старуха, за ручку держась,
Спотыкалась о снѣжный сугробъ.

Равнодушныя лица толпы,
Любопытныхъ сосѣдей набѣгъ . . .
И кругомъ протоптали тропы,
Осквернивъ цѣломудренный снѣгъ.

Но, ложась въ снѣговую постель,
Услыхалъ заключенный въ гробу,
Какъ вдали запѣвала метель,
Къ небесамъ подымая трубу.

*

Здѣсь ночь мертва. Слова мои дики.
Мигаетъ красный призракъ — заря.
На утро ввысь пущу мои крики,
Какъ бѣлыхъ птицъ на встрѣчу Царя.

Во снѣ и въ яви — неразличимы
Заря и зарево — тишь и страхъ . . .
Мои безумья — мои херувимы . . .
Мой Страшный, мой Близкій — черный монахъ . . .

Рука или вѣтеръ шевелитъ лоскутья?
Костлявые пальцы — обрывки травъ . . .
Зеленыя очи горятъ на распутьи —
Тамъ вѣтеръ треплетъ пустой рукавъ . . .

Закрытъ одинъ, или многіе лики?
Ты знаешь? Ты видишь! Одежда пуста! . . .
До утра — безъ солнца — пущу мои крики,
Какъ черныхъ птицъ, навстрѣчу Христа!

*

Я къ людямъ не выйду на встрѣчу,
Испугаюсь хулы и похвалъ.
Предъ Тобой Одною отвѣчу,
За то, что всю жизнь молчалъ.

Молчаливые мнѣ понятны,
И люблю обращенныхъ въ слухъ:
За словами — сквозь гулъ невнятный
Просыпается свѣтлый Духъ.

Я выйду на праздникъ молчанья,
Моего не замѣтятъ лица.
Но во мнѣ — потаенное знанье
О любви къ Тебѣ безъ конца.

*

Въ посланьяхъ къ земнымъ владыкамъ
Говорилъ я о Вѣчной Надеждѣ.
Они не повѣрили крикамъ,
И я не такой, какъ прежде.

Никому не открою нынѣ
Того, что рождается въ мысли.
Пусть думаютъ — я въ пустынѣ
Блуждаю, томлюсь и числю.

И только одна изъ міра
Отражается въ каждомъ слогѣ . . .
Но она — участница пира
Въ Твоемъ, о, Боже! — чертогѣ.

*

Здѣсь память волны святой
Осталась пѣнистымъ слѣдомъ.
Безпечальный иду за Тобой —
Мнѣ путь неизвѣстный вѣдомъ.

Когда и куда поведешь,
Не знаю, но нѣтъ сомнѣній,
Что погибла прежняя ложь,
И близится вихрь видѣній.

Когда настанетъ мой часъ,
И смолкнутъ любимыя пѣсни,
Здѣсь печально скажутъ: — Угасъ,
Но тамъ прозвучитъ: — Воскресни!

*

Потемнѣли, поблекли залы.
Почернѣла рѣшотка окна.
У дверей шептались вассалы:
— Королева, королева больна.

И король, нахмурившій брови,
Проходилъ безъ пажей и слугъ.
И въ каждомъ брошенномъ словѣ
Ловили смертный недугъ.

У дверей затихнувшей спальни
Я плакалъ, сжимая кольцо.
Тамъ — въ концѣ галлереи дальней
Кто-то вторилъ, закрывъ лицо.

У дверей Несравненной Дамы
Я рыдалъ въ плащѣ голубомъ.
И, шатаясь, вторилъ тотъ самый —
Незнакомецъ съ блѣднымъ лицомъ.

*

Погружался я въ море клевера,
Окруженный сказками пчелъ.
Но вѣтеръ, зовущій съ сѣвера,
Мое дѣтское сердце нашелъ.

Призывалъ на битву равнинную —
Побороться съ дыханьемъ небесъ.
Показалъ мнѣ дорогу пустынную,
Уходящую въ темный лѣсъ.

Я иду по ней косогорами
И смотрю неустанно впередъ.
Впереди съ невинными взорами
Мое дѣтское сердце идетъ.

Пусть глаза утомятся безсонные,
Запоетъ, заалѣетъ пыль . . .
Мнѣ цвѣты и пчелы влюбленныя
Разсказали не сказку — быль.

*

Зимній вѣтеръ играетъ терновникомъ,
Задуваетъ въ окнѣ свѣчу.
Ты ушла на свиданье съ любовникомъ.
Я одинъ. Я прощу. Я молчу.

Ты не знаешь, кому ты молишься —
Онъ играетъ и шутитъ съ тобой.
О терновникъ холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.

Но, давно прислушавшись къ счастію,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстію.
Все равно: я тайну блюду.

Все, что въ сердцѣ твоемъ туманится,
Станетъ ясно въ моей тишинѣ.
И, когда онъ съ тобой разстанется,
Ты признаешься только мнѣ.

*

Снова иду я надъ этой пустынной равниной.
Сердце въ глухія сомнѣнья укрыться не властно.
Что полюбилъ я въ твоей красотѣ лебединой, —
Вѣчно прекрасно, но сердце несчастно.

Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь,
Но, перейдя за черту человѣческой рѣчи,
Я и молчу, и въ слезахъ на тебя улыбаюсь:
Проводы сердца — и новыя встрѣчи,

Снова нахмурилось небо, и будетъ ненастье.
Сердцу влюбленному негдѣ укрыться отъ боли.
Такъ и счастливому страшно, что кончится счастье.
Такъ и свободный боится неволи.

*

— Все ли спокойно въ народѣ?
— Нѣтъ. Полководецъ убитъ.
Кто-то о новой свободѣ
На площадяхъ говоритъ.

— Всѣ ли готовы подняться?
— Нѣтъ. Каменѣютъ и ждутъ.
Кто-то велѣлъ дожидаться:
Бродятъ и пѣсни поютъ.

— Кто же поставленъ у власти?
— Власти не хочетъ народъ.
Дремлютъ гражданскія страсти:
Слышно, что кто-то идетъ.

— Кто жъ онъ, народный смиритель?
— Теменъ и золъ и свирѣпъ:
Инокъ у входа въ обитель
Видѣлъ его — и ослѣпъ.

Онъ къ неизвѣданнымъ безднамъ
Гонитъ людей, какъ стада . . .
Посохомъ гонитъ желѣзнымъ . . .
— Боже! Бѣжимъ отъ Суда!

*

Дѣла свершились. Дни сочтены.
Мы здѣсь молились у сонной рѣки.
Тамъ льды носились въ дни весны.
И дни забылись! Какъ далеки!

Мой день свершенный кончилъ себя.
Мой духъ обнаженный для всѣхъ поетъ.
Утомленный, влюбленный, я жду тебя,
Угрюмый, безсонный, холодный, какъ ледъ.

*

Мнѣ снились веселыя думы,
Мнѣ снилось, что я не одинъ . . .
Подъ утро проснулся отъ шума
И треска несущихся льдинъ.

Я думалъ о сбывшемся чудѣ . . .
А тамъ, наточивъ топоры,
Веселые красные люди,
Смѣясь, разводили костры:

Смолили тяжелые челны . . .
Рѣка, распѣвая, несла
И синія льдины, и волны,
И тонкій обломокъ весла . . .

Пьяна отъ веселаго шума,
Душа небывалымъ полна . . .
Со мною — весенняя дума,
Я знаю, что Ты не одна . . .

*

Отворяются двери — тамъ мерцанья,
И за яркимъ окошкомъ — видѣнья.
Не знаю — и не скрою незнанья,
Но усну — и потекутъ сновидѣнья.

Въ тихомъ воздухѣ — тающее, знающее . . .
Тамъ что-то притаилось и смѣется.
Что смѣется? Мое ли, вздыхающее,
Мое ли сердце радостно бьется?

Весна ли за окнами — розовая, сонная?
Или это Ясная мнѣ улыбается?
Или только мое сердце влюбленное?
Или только кажется? Или все узнается?

*

Я вырѣзалъ посохъ изъ дуба
Подъ ласковый шопотъ вьюги.
Одежды бѣдны и грубы,
О, какъ недостойны подруги!

Но найду, и нищій, дорогу,
Выходи, морозное солнце!
Проброжу весь день, ради Бога,
Ввечеру постучусь въ оконце . . .

И откроетъ бѣлой рукою
Потайную дверь предо мною
Молодая, съ золотой косою,
Съ ясной, открытой душою.

Мѣсяцъ и звѣзды въ косахъ . . .
— Входи, мой царевичъ привѣтный . . .
И бѣдный дубовый посохъ
Заблеститъ слезой самоцвѣтной . . .

*

С. Соловьеву

У забытыхъ могилъ пробивалась трава.
Мы забыли вчера . . . И забыли слова . . .
И настала кругомъ тишина . . .

Этой смертью отшедшихъ, сгорѣвшихъ до тла,
Развѣ Ты не жива? Развѣ Ты не свѣтла?
Развѣ сердце Твое — не весна?

Только здѣсь и дышать, у подножья могилъ,
Гдѣ когда-то я нѣжныя пѣсни сложилъ
О свиданьи, быть-можетъ, съ Тобой . . .

Гдѣ впервые въ мои восковыя черты
Отдаленною жизнью повѣяла Ты,
Пробиваясь могильной травой . . .

*

Я былъ весь въ пестрыхъ лоскутьяхъ,
Бѣлый, красный, въ безобразной маскѣ.
Хохоталъ и кривлялся на распутьяхъ,
И разсказывалъ шуточныя сказки.

Развертывалъ длинныя сказанья
Безсвязно, и долго, и звонко —
О старикахъ, и о странахъ безъ названья,
И о дѣвушкѣ съ глазами ребенка.

Кто-то долго, безсмысленно смѣялся,
И кому-то становилось больно.
И когда я внезапно сбивался,
Изъ толпы кричали: «Довольно!»

*

По городу бѣгалъ черный человѣкъ.
Гасилъ онъ фонарики, карабкаясь на лѣстницу.

Медленный, бѣлый подходилъ разсвѣтъ,
Вмѣстѣ съ человѣкомъ взбирался на лѣстницу.

Тамъ, гдѣ были тихія, мягкія тѣни —
Желтыя полоски вечернихъ фонарей —

Утреннія сумерки легли на ступени,
Забрались въ занавѣски, въ щели дверей.

Ахъ, какой блѣдный городъ на зарѣ!
Черный человѣчекъ плачетъ на дворѣ.

*

Просыпаюсь я — и въ полѣ туманно,
Но съ моей вышки — на солнце укажу.
И пробужденіе мое безжеланно,
Какъ дѣвушка, которой я служу.

Когда я въ сумерки проходилъ по дорогѣ,
Запримѣтился въ окошкѣ красный огонекъ.
Розовая дѣвушка встала на порогѣ
И сказала мнѣ, что я красивъ и высокъ.

Въ этомъ вся моя сказка, добрые люди.
Мнѣ больше не надо отъ васъ ничего:
Я никогда не мечталъ о чудѣ —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

*

На Васъ было черное закрытое платье.
Вы никогда не поднимали глазъ.
Только на груди, можетъ-быть, надъ Распятьемъ,
Вздыхалъ иногда и шевелился газъ.

У Васъ былъ голосъ серебристо утомленный.
Ваша рѣчь была таинственно проста.
Кто-то Сильный и Знающій, можетъ-быть,
Влюбленный
Въ Свое Созданіе, замкнулъ Вамъ уста.

Кто былъ Онъ — не знаю — никогда не узнаю,
Но къ Нему моя ревность, и страхъ мой къ Нему.
Ревную къ Божеству, Кому пѣсни слагаю,
Но пѣсни слагаю — я не знаю, Кому.

*

Ей было пятнадцать лѣтъ. Но по стуку
Сердца — невѣстой быть мнѣ могла.
Когда я, смѣясь, предложилъ ей руку,
Она засмѣялась и ушла.

Это было давно. Съ тѣхъ поръ проходили
Никому неизвѣстные годы и сроки.
Мы рѣдко встрѣчались и мало говорили,
Но молчанья были глубоки.

И зимней ночью, вѣренъ сновидѣнью,
Я вышелъ изъ людныхъ и яркихъ залъ,
Гдѣ душныя маски улыбались пѣнью,
Гдѣ я ее глазами жадно провожалъ.

И она вышла за мной, покорная,
Сама не вѣдая, что будетъ черезъ мигъ.
И видѣла лишь ночь городская, черная,
Какъ прошли и скрылись: невѣста и женихъ.

И въ день морозный, солнечный, красный —
Мы встрѣтились въ храмѣ — въ глубокой тишинѣ:
Мы поняли, что годы молчанья были ясны,
И то, что свершилось, — свершилось въ вышинѣ.

Этой повѣстью долгихъ, блаженныхъ исканій
Полна моя душная, пѣсенная грудь.
Изъ этихъ пѣсенъ создалъ я зданье,
А другія пѣсни — спою когда-нибудь.

*

У берега зеленаго на малой могилѣ
Въ праздникъ Благовѣщенья пѣли псаломъ.
Бѣлые священники съ улыбкой хоронили
Маленькую дѣвочку въ платьѣ голубомъ.

Всѣ они — помощью Вышняго Велѣнія —
Въ кровѣ Бога Небеснаго Отца расцвѣли
И тихонько возносили къ небу куренія,
Будто не съ кадильницы, а съ зеленой земли.

*

Пристань безмолвна. Земля близка.
Земли не видно. Ночь глубока.

Стою на сѣрыхъ мокрыхъ доскахъ.
Буря хохочетъ въ сѣдыхъ кудряхъ.

И слышу, слышу, будто кричу:
Поставьте въ морѣ на камнѣ свѣчу!

Когда пристанетъ челнокъ жены,
Мы будемъ вмѣстѣ съ ней спасены!

И страшно, и тяжко въ мокрый песокъ
Бьютъ волны, шлютъ волны сѣдой намекъ . . .

Она далеко. Отвѣта нѣтъ.
Проклятое море, дай мнѣ отвѣтъ!

Далеко, тамъ камень! Тамъ ставьте свѣчу!
И самъ не знаю, я ли кричу.

*

Я — мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ,
Я правлю, Архангелъ, Ея Судьбой.
Въ щитѣ моемъ камень зеленый зажженъ.
Зажженъ не мной — Господней Рукой.

Ему непомѣрность мою вручу,
Когда отъиду на вѣчный сонъ.
Ей въ мірѣ оставлю мою свѣчу,
Оставлю мой камень, мой здѣшній звонъ.

Поставлю на стражѣ звенящій стихъ.
Зеленый камень Ей въ сердцѣ зажгу.
И камень будетъ Ей другъ и женихъ,
И Ей не солжетъ, какъ я не лгу.

*

ВЕРБНАЯ СУББОТА

Вечерніе люди уходятъ въ дома.
Надъ городомъ синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идутъ въ терема.
По улицѣ вѣетъ, гуляетъ весна.

На улицѣ праздникъ, на улицѣ свѣтъ,
И свѣчки, и вербы встрѣчаютъ зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бредъ —
Заморскіе гости приснились царю . . .

Приснились боярамъ . . . — Проснитесь, мы тутъ . . .
Боярышня сонно склонилась во мглѣ . . .
Тамъ тѣни идутъ и видѣнья плывутъ . . .
Что было на небѣ — теперь на землѣ . . .

Весеннее утро. Задумчивый сонъ.
Влюбленные гости заморскихъ племенъ
И, можетъ-быть, позднихъ, веселыхъ временъ.

Прозрачная тучка. Жемчужный узоръ.
Тамъ было свиданье. Тамъ былъ разговоръ . . .

И къ утру лишь блѣдной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

*

Мой мѣсяцъ въ царственномъ зенитѣ.
Ночной свободой захлебнусь
И тамъ — въ серебряныя нити
Въ избыткѣ счастья завернусь.

На встрѣчу страстному безволью
И только будущей Зарѣ —
Киваю синему раздолью,
Ныряю въ темномъ серебрѣ! . . .

На площадяхъ столицы душной
Слѣпые люди говорятъ:
— Что надъ землею? Шаръ воздушный.
Что подъ луной? Аэростатъ.

А я — серебряной пустыней
Несусь въ пылающемъ бреду,
И въ складки ризы темносиней
Укрылъ Любимую Звѣзду.

*

Сижу за ширмой. У меня
Такія крохотныя ножки . . .
Такія ручки у меня,
Такое темное окошко . . .
Тепло и темно. Я гашу
Свѣчу, которую приносятъ,
Но благодарность приношу . . .
Меня давно развлечься просятъ,
Но эти ручки . . . Я влюбленъ
Въ мою морщинистую кожу . . .
Могу увидѣть сладкій сонъ,
Но я себя не потревожу:
Не потревожу забытья,
Вотъ этихъ бликовъ на окошкѣ . . .
И ручки скрещиваю я,
И также скрещиваю ножки.
Сижу за ширмой. Здѣсь тепло.
Здѣсь кто-то есть. Не надо свѣчки.
Глаза бездонны, какъ стекло.
На ручкѣ сморщенной — колечки.

*

. . . И снова подхожу къ окну,
Влюбленъ въ мерцающую сагу.
Недолго слушать тишину:
Изнеможенный, снова лягу.

Я на покой ушелъ отъ дня,
И сонъ гоню, чтобъ длить молчанье . . .
Днемъ никому не жаль меня, —
Мнѣ ночью жаль мое страданье . . .

Оно въ безсонной тишинѣ
Мнѣ льетъ торжественныя муки.
И кто-то милый, близкій мнѣ
Сжимаетъ жалобныя руки . . .

*

Когда я уйду на покой отъ временъ,
Уйду отъ хулы и похвалъ,
Ты вспомни ту нѣжность, тотъ ласковый сонъ,
Которымъ я цвѣлъ и дышалъ.

Я знаю, не вспомнишь Ты, Свѣтлая, зла,
Которое билось во мнѣ,
Когда подходила Ты, стройно-бѣла,
Какъ лебедь, къ моей глубинѣ.

Не я возмущалъ Твою гордую лѣнь —
То чуждая сила его.
Холодная туча смущала мой день, —
Твой день былъ свѣтлѣй моего.

Ты вспомнишь, когда я уйду на покой,
Исчезну за синей чертой, —
Одну только пѣсню, что пѣлъ я съ Тобой,
Что ты повторяла за мной.

*

АНДРЕЮ БѢЛОМУ

Неразлучно — будемъ оба
Клятву Вѣчности нести.
Поздно встрѣтимся у гроба
На серебряномъ пути.

Тамъ — сжимающему руки
Руку нѣжную сожму.
Молчаливому отъ муки
Шею крѣпко обниму.

И тогда — въ гремящей сферѣ
Небывалаго огня —
Свѣтлый мечъ намъ вскроетъ двери
Ослѣпительнаго дня.

*

Ты у камина, склонивъ сѣдины,
Слушаешь сказки въ стихахъ.
Мы за тобою — незримые сны —
Чертимъ узоръ на стѣнахъ.

Дочь твоя — въ креслахъ — весны розовѣй,
Строже вечернихъ тѣней.
Мы никогда не стучали при ней,
Мы не шалили при ней.

Какъ у тебя хорошо и свѣтло —
Намъ за стѣною темно . . .
Дай пошалимъ, постучимся въ стекло,
Дай-ка — за́бьемся въ окно!

Скажешь ты, тихо поднявъ сѣдины:
Стукнуло гдѣ-то, дружокъ?
Дочка твоя, что румянѣй весны,
Скажетъ: — Тамъ сѣрый звѣрокъ.

*

Крыльцо Ея, словно паперть.
Вхожу — и стихаетъ гроза.
На столѣ — узорная скатерть.
Притаились въ углу образа.

На лицѣ Ея — нѣжный румянецъ,
Тишина озаренныхъ тѣней.
Въ душѣ — кружащійся танецъ
Моихъ улетѣвшихъ дней.

Я давно не встрѣчаю румянца,
И заря моя — мутно тиха.
И въ каждомъ круженіи танца
Я вижу пламя грѣха.

Только въ даръ послѣднимъ похмельямъ
Эта тихая радость дана.
Я пришелъ къ ней съ горькимъ весельемъ
Осушить мой кубокъ до дна.

*

Облака небывалой услады —
Безъ конца ихъ лазурная лѣнь.
Уходи въ снѣговыя громады
Розоватый привѣтствовать день.
Тишины снѣгового намека,
Успокоенныхъ думъ не буди . . .
Нѣжно-синія горы глубоко
Притаились въ небесной груди.
Тамъ до спора — сквозящая ласка,
До войны — только нѣжность твоя,
Безъ конца — безначальная сказка,
Рождество голубого ручья . . .
Невозможную сладость пріемли,
О, измѣнникъ! люблю и зову
Голубыя привѣтствовать земли,
Жемчуговые сны наяву.

*

М. А. Олениной Д'Альгеймъ

Темная, блѣдно-зеленая
Дѣтская комнатка.
Нянюшка бродитъ сонная.
«Спи мое дитятко».

Въ углу — лампадка зеленая.
Отъ нея — золотые лучики.
Нянюшка надъ постелькой склоненная . . .
«Дай заверну твои ноженьки и рученьки».

Нянюшка сѣла и задумалась.
Лучики побѣжали — три лучика.
«Нянюшка, о чемъ ты задумалась?
— Разскажи про святого мученика».

Три лучика. Одинъ тоненькій . . .
«Святой мученикъ, дитятко, преставился . . .
— Закрой глазки, мой мальчикъ сонненькій.
— Святой мученикъ отъ мученья избавился».

*

ФАБРИКА

Въ сосѣднемъ домѣ окна желты.
По вечерамъ — по вечерамъ —
Скрипятъ задумчивые болты,
Подходятъ люди къ воротамъ.

И глухо заперты ворота,
А на стѣнѣ — а на стѣнѣ —
Недвижимый кто-то, черный кто-то
Людей считаетъ въ тишинѣ.

Я слышу все съ моей вершины:
Онъ мѣднымъ голосомъ зоветъ
Согнуть измученныя спины
Внизу собравшійся народъ.

Они войдутъ и разбредутся,
Навалятъ на спины кули.
И въ желтыхъ окнахъ засмѣются,
Что этихъ нищихъ провели.

*

Что съ тобой — не знаю и не скрою —
Ты больна прозрачной бѣлизной.
Милый другъ, узнаешь, что съ тобою,
Ты узнаешь будущей весной.

Ты поймешь, когда, въ подушкахъ лежа,
Ты не сможешь запрокинуть рукъ.
И тогда сойдетъ къ тебѣ на ложе
Непрерывный, заунывный звукъ.

Тѣнь лампадки вздрогнетъ и встревожитъ,
Кто-то, отдѣлившись отъ стѣны,
Подойдетъ — и медленно положитъ
Нѣжный саванъ снѣжной бѣлизны.

*

Мы шли на Лидо въ часъ разсвѣта
Подъ сѣтью тонкаго дождя.
Ты отошла, не давъ отвѣта,
А я уснулъ, къ волнамъ сойдя.

Я чутко спалъ, раскинувъ руки,
И слышалъ мѣрный плескъ волны.
Манили страстной дрожью звуки,
Въ колдунью — птицу влюблены.

И чайка — птица, чайка — дѣва
Все опускалась и плыла
Въ волнахъ влюбленнаго напѣва,
Которымъ ты во мнѣ жила.

*

Мнѣ гадалка съ морщинистымъ ликомъ
Ворожила подъ темнымъ крыльцомъ.
Очарованный уличнымъ крикомъ,
Я бѣжалъ за мелькнувшимъ лицомъ.

Я бѣжалъ и угадывалъ лица,
На углахъ останавливалъ бѣгъ.
Предо мною ползла вереница
Нагруженныхъ, скрипящихъ телѣгъ.

Проползала змѣей межъ домами —
Я не могъ площадей перейти . . .
А оттуда взывало: — За нами!
Раздавалось: — Безумный! Прости!

Тамъ — безсмертною волей томима,
Можетъ быть, призывала Сама . . .
Я бѣжалъ переулками мимо —
И меня поглотили дома.

*

Е. П. Иванову

Плачетъ ребенокъ. Подъ луннымъ серпомъ
Тащится по полю путникъ горбатый.
Въ рощѣ хохочетъ надъ круглымъ горбомъ
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

Въ полѣ дорога блѣдна отъ луны.
Блѣдныя дѣвушки прячутся въ травы.
Руки, какъ травы, блѣдны и нѣжны.
Вѣтеръ колышетъ ихъ влѣво и вправо.

Шепчетъ и клонится злакъ голубой.
Пляшетъ горбунъ подъ луною двурогой.
Кто-то зоветъ серебристой трубой.
Кто-то бѣжитъ озаренной дорогой.

Блѣдныя дѣвушки встали изъ травъ.
Подняли руки къ познанью, къ молчанью.
Ухомъ къ землѣ неподвижно припавъ,
Внемлетъ горбунъ ожиданью, дыханью.

Въ рощѣ косматый беззвучно дрожитъ.
Мѣсяцъ упалъ въ озаренные злаки.
Плачетъ ребенокъ. И вѣтеръ молчитъ.
Близко труба. И не видно во мракѣ.

*

Среди гостей ходилъ я въ черномъ фракѣ.
Я руки жалъ. Я, улыбаясь, зналъ:
Пробьютъ часы. Мнѣ будутъ дѣлать знаки.
Поймутъ, что я кого-то увидалъ . . .

Ты подойдешь. Сожмешь мнѣ больно руку.
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смѣхъ.»
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всѣхъ . . .

Я закричу, безпомощный и блѣдный,
Вокругъ себя безцѣльно оглянусь.
Потомъ — очнусь у двери съ ручкой мѣдной.
Увижу всѣхъ . . . и слабо улыбнусь.

*

ИЗЪ ГАЗЕТЪ

Встала въ сіяньи. Крестила дѣтей.
И дѣти увидѣли радостный сонъ.
Положила, до полу клонясь головой,
Послѣдній земной поклонъ.

Коля проснулся. Радостно вздохнулъ,
Голубому сну еще радъ наяву.
Прокатился и замеръ стеклянный гулъ:
Звенящая дверь хлопнула внизу.

Прошли часы. Приходилъ человѣкъ
Съ оловянной бляхой на теплой шапкѣ.
Стучалъ и дожидался у двери человѣкъ.
Никто не открылъ. Играли въ прятки.

Были веселыя морозныя Святки.

Прятали маминъ красный платокъ.
Въ платкѣ уходила она по утрамъ.
Сегодня оставила дома платокъ:
Дѣти прятали его по угламъ.

Подкрались сумерки. Дѣтскія тѣни
Запрыгали на стѣнѣ при свѣтѣ фонарей.
Кто-то шелъ по лѣстницѣ, считая ступени.
Сосчиталъ. И заплакалъ. И постучалъ у дверей.

Дѣти прислушались. Отворили двери.
Толстая сосѣдка принесла имъ щей.
Сказала: — Кушайте. Встала на колѣни
И, кланяясь, какъ мама, крестила дѣтей.

Мамочкѣ не больно, розовыя дѣтки.
Мамочка сама на рельсы легла.
Доброму человѣку, толстой сосѣдкѣ,
Спасибо, спасибо. Мама не могла . . .
Мамочкѣ хорошо. Мама умерла.

*

Вѣтеръ хрипитъ на мосту межъ столбами,
Черная нить подъ снѣгами гудетъ.

Чудо ползетъ подъ моими санями,
Чудо мнѣ сверху поетъ и поетъ . . .

Все мнѣ, пѣвучее, тяжко и трудно,
Пѣсни твои, и снѣга, и костры . . .

Чудо, я сплю, я усталъ непробудно . . .
Чудо, ложись въ снѣговые бугры!

*

СТАТУЯ

Лошадь влекли подъ уздцы на чугунный
Мостъ. Подъ копытомъ чернѣла вода.
Лошадь храпѣла, и воздухъ безлунный
Храпъ сохранялъ на мосту навсегда.
Пѣсни воды и хрипящіе звуки
Тутъ же вблизи расплывались въ хаосъ.
Ихъ раздирали незримыя руки.
Въ черной водѣ отраженье неслось.
Мѣрный чугунъ отвѣчалъ однотонно.
Разность отпала. И вѣчность спала.
Черная ночь неподвижно, бездонно —
Лопнувшій въ бездну ремень увлекла.
Все пребывало. Движенья, страданья —
Не было. Лошадь храпѣла навѣкъ.
И на узлѣ въ напряженьи молчанья
Вѣчно застывшій висѣлъ человѣкъ.

*

По берегу плелся больной человѣкъ.
Съ нимъ рядомъ ползла вереница телѣгъ.

Въ дымящійся городъ везли балаганъ,
Красивыхъ цыганокъ и пьяныхъ цыганъ.

И сыпали шутки, визжали съ телѣгъ.
И рядомъ тащился съ кулькомъ человѣкъ.

Стоналъ и просилъ подвезти до села.
Цыганочка смуглую руку дала.

И онъ подбѣжалъ, ковыляя, какъ могъ,
И бросилъ въ телѣгу тяжелый кулекъ.

И самъ надорвался, и пѣна у губъ.
Цыганка въ телѣгу взяла его трупъ.

Съ собой усадила въ телѣгу рядкомъ,
И мертвый качался и падалъ ничкомъ.

И съ пѣсней свободы везла до села.
И мертваго мужа женѣ отдала.

*

Свѣтлый сонъ, ты не обманешь,
Ляжешь въ утренней росѣ,
Алой пылью тихо встанешь
На закатной полосѣ.

Солнце небо опояшетъ,
Вотъ и вечеръ — весь въ огнѣ.
Зайчикъ розовый запляшетъ
По цвѣточкамъ на стѣнѣ.

На балконѣ, гдѣ алѣютъ
Мхи старинныхъ баллюстрадъ,
Дѣды дремлютъ и лелѣютъ
Сны французскихъ баррикадъ.

Мы внимаемъ ветхимъ дѣдамъ,
Будто статуямъ изъ нишъ:
Сладко вспомнить за обѣдомъ
Старый пламенный Парижъ,

Протянувъ больную руку,
Сладко юнымъ погрозить,
Сладко гладить кудри внуку,
О минувшемъ говорить.

И въ алѣющемъ закатѣ
На балконѣ подремать,
Въ мягкомъ стеганномъ халатѣ
Перебраться на кроватъ . . .

Скажутъ: — Поздно, мы устали . . .
Разойдутся на зарѣ.
Я съ тобой останусь въ залѣ
Лучикъ ляжетъ на коврѣ.

Милый сонъ, вечерній лучикъ . . .
Тѣни бархатныхъ рѣсницъ . . .
Въ золотистыхъ перьяхъ тучекъ
Танецъ нѣжныхъ вечерницъ . . .

*

Мой любимый, мой князь, мой женихъ,
Ты печаленъ въ цвѣтистомъ лугу.
Повиликой средь нивъ золотыхъ
Завилась я на томъ берегу.

Я ловлю твои сны налету
Блѣдно-бѣлымъ прозрачнымъ цвѣткомъ.
Ты сомнешь меня въ полномъ цвѣту
Бѣлогрудымъ усталымъ конемъ,

Ахъ, безсмертье мое растопчи, —
Я огонь для тебя сберегу.
Робко пламя церковной свѣчи
У заутрени блѣдной зажгу.

Въ церкви станешь ты, блѣденъ лицомъ,
И къ Царицѣ Небесной придешь, —
Колыхнусь восковымъ огонькомъ,
Дамъ почуять знакомую дрожь . . .

Надъ тобой — какъ свѣча — я тиха,
Предъ тобой — какъ цвѣтокъ — я нѣжна.
Жду тебя, моего жениха,
Все невѣста — и вѣчно жена.

*

Нашъ Арго!
Андрей Бѣлый

Сторожимъ у входа въ теремъ,
Вѣрные рабы.
Страстно вѣримъ, выси мѣримъ,
Вѣчно ждемъ трубы.

Вѣчно — завтра. У рѣшетки
Каждый день и часъ
Славословитъ голосъ четкій
Одного изъ насъ.

Воздухъ полонъ воздыханій,
Грозовыхъ надеждъ,
Высь горитъ отъ несмыканій
Воспаленныхъ вѣждъ.

Ангелъ розовый укажетъ,
Скажетъ: — Вотъ она:
Бисеръ нижетъ, въ нити вяжетъ —
Вѣчная Весна.

Въ свѣтлый мигъ услышимъ звуки
Отходящихъ бурь.
Молча свяжемъ вмѣстѣ руки,
Отлетимъ въ лазурь.

*

До утра мы въ комнатахъ споримъ,
На разсвѣтѣ одинъ изъ насъ
Выступаетъ къ розовымъ зорямъ —
Золотой привѣтствовать часъ.

Высоко онъ стоитъ надъ нами —
Тонкій профиль на блѣдной зарѣ.
За плечами его, за плечами —
Всѣ поля и лѣса въ серебрѣ.

Такъ стоитъ въ кругу серебристомъ,
Величавъ, милосердъ и строгъ.
На челѣ его блѣдно-чистомъ
Мы читаемъ, что близокъ срокъ.

*

Спи. Да будетъ твой сонъ спокоенъ.
Я молюсь. Я дыханью внемлю.
Я грущу, какъ заоблачный воинъ,
Уронившій панцырь на землю.

Безконечно легко мое бремя.
Тяжелы только эти миги.
Все снесетъ золотое время:
Мои цѣпи, думы и книги.

Кто бунтуетъ, — въ томъ сердце щедро,
Но безмѣрно правъ молчаливый.
Я томлюсь у Ливанскаго кедра,
Ты — въ тѣни подъ мирной оливой.

Я безумецъ! Мнѣ въ сердце вонзили
Красноватый уголь пророка!
Вѣтви мира тебя осѣнили . . .
Непробудная . . . Спи до срока.

*

Дали слѣпы, дни безгнѣвны,
Сомкнуты уста.
Въ непробудномъ снѣ царевны,
Синева пуста.

Были дни — надъ теремами
Пламенѣлъ закатъ.
Нѣжно бѣлыми словами
Кликалъ брата братъ.

Брата братъ изъ дальнихъ келій
Извѣщалъ: Хвала!
Гдѣ-то голуби звенѣли,
Расплескавъ крыла.

Съ золотистыхъ ульевъ пчелы
Приносили медъ.
Наполнялъ весельемъ долы
Праздничный народъ.

Въ пестрыхъ бусахъ, въ алыхъ лентахъ
Дѣвушки цвѣли . . .
Кто тамъ скачетъ въ позументахъ
Въ голубой пыли?

Всадникъ въ битвенномъ нарядѣ,
Въ золотой парчѣ,
Свѣтлыхъ кудрей бьются пряди,
Искры на мечѣ.

Бѣлый конь, какъ цвѣтъ вишневый . . .
Блещутъ стремена . . .
На кафтанъ его парчевый
Пролилась весна —

Пролилась — онъ сгинетъ въ тучахъ,
Вспыхнетъ за холмомъ.
На зеленыхъ встанетъ кручахъ
Въ блескѣ заревомъ,

Гдѣ-то перьями промашетъ,
Крикнетъ: берегись!
На конѣ селомъ пропляшетъ,
Къ ночи канетъ ввысь . . .

Ночью дѣвушкамъ приснится,
Прилетитъ изъ тучъ
Конь — мгновенная зарница,
Всадникъ — бѣглый лучъ . . .

И, какъ лучъ, пройдетъ въ прохладу
Узкаго окна,
И Царевна, гостю рада,
Встанетъ съ ложа сна . . .

Или, въ злые дни ненастій,
Глянетъ въ сонный прудъ,
И его, дрожа отъ страсти,
Руки заплетутъ.

И потомъ обманутъ — вскинутъ
Руки къ серебру,
Рыбьимъ плесомъ отодвинутъ
Въ струйную игру . . .

И душа, летя на сѣверъ
Золотой пчелой,
Въ алый сонъ, въ медовый клеверъ
Ляжетъ на покой . . .

И опять въ вѣнкахъ и росахъ
Запоетъ мечта,
Засверкаетъ на откосахъ
. Золото щита,

И подниметъ щитъ дѣвица,
И опять вдали
Всадникъ встанетъ, конь вздыбится
Въ голубой пыли . . .

Будутъ весны въ вѣчной смѣнѣ
И паденій гнетъ.
Вихрь, исполненный видѣній —
Голубиный летъ . . .

Что мгновенныя безсилья?
Время — легкій дымъ . . .
Мы опять расплещемъ крылья,
Снова отлетимъ!

И опять, въ безумной смѣнѣ
Разсѣкая твердь,
Встрѣтимъ новый вихрь видѣній,
Встрѣтимъ жизнь и смерть!

*

Въ часъ, когда пьянѣютъ нарциссы,
И театръ въ закатномъ огнѣ,
Въ полутѣнь послѣдней кулисы
Кто-то ходитъ вздыхать обо мнѣ . . .

Арлекинъ, забывшій о роли?
Ты, моя тихоокая лань?
Вѣтерокъ, приносящій съ поля
Дуновеній легкую дань?

Я, паяцъ, у блестящей рампы
Возникаю въ открытый люкъ.
Это — бездна смотритъ сквозь лампы —
Ненасытно-жадный паукъ.

И, пока пьянѣютъ нарциссы,
Я кривляюсь, крутясь и звеня . . .
Но въ тѣни послѣдней кулисы
Кто-то плачетъ, жалѣя меня.

Нѣжный другъ съ голубымъ туманомъ,
Убаюканъ качелью сновъ.
Сиротливо приникшій къ ранамъ
Легкоперстный запахъ цвѣтовъ.

*

Вотъ онъ — рядъ гробовыхъ ступеней.
И межъ насъ — никого. Мы вдвоемъ.
Спи ты, нѣжная спутница дней,
Залитыхъ небывалымъ лучомъ.

Ты покоишься въ бѣломъ гробу.
Ты съ улыбкой зовешь: не буди.
Золотистыя пряди на лбу.
Золотой образокъ на груди.

Я отпраздновалъ свѣтлую смерть,
Прикоснувшись къ рукѣ восковой.
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мглѣ голубой.

Спи — твой отдыхъ никто не прерветъ.
Мы — окрай неизвѣстныхъ дорогъ.
Всю ненастную ночь напролетъ
Здѣсь горитъ осіянный чертогъ.

Іюнь 1904

*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Стр.

Стр.

Стр.

Стр.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

